
1892

1892 год.

9 января. Все это время занято у С.Ф. Милуковым, который приехал сюда 2-го и на днях должен уехать. Он бывает у нас каждый день; книжка его уже вышла в свет третьего дня (7-го)¹.

Вчера в среду у нас собралось 16 человек гостей; было очень оживленно; героем вечера был Майков, к[ото]рый весь вечер просидел в столовой, разговаривая с нами. Между прочим, он советует мне непременно прочесть «La fin du paganisme» – Gaston Boissier². Он много говорил на ту тему, что жаль, что у нас так мало читают по истории христианства. И мне стало грустно, что у меня так мало времени для чтения: столько есть хороших книг, к[ото]рые хотелось бы прочесть. Разговор коснулся также кружка Гревса и Ольденбурга, и мы с Майковым согласились, что это – несомненно симпатичные люди, но крайне нетерпимые и склонные легко осуждать других.

Между прочим, была вчера Анна Петр[овна] с мужем и рассказывала мне, что она ездила к Делянову хлопотать о месте для мужа и что Делянов все целовал ей руки и называл ее: душечка, голубчик и т.п. И это рассказывается в присутствии этого безмозглого супруга, к[ото]рый только улыбается потягиваясь! Вот люди!

Милуков и Чечулин, литературные враги³, встретились в первый раз у нас 2-гоⁱ, и встретились дружелюбно. Вчера они все играли в шахматы. Мил[юков] – очень интересный человек, умный, широко образованный, но пальца в рот ему не кладиⁱⁱ.

2-го на собрании историков (годовичном), перенесенном к нам по просьбе Вас[илия] Гр[игорьевича], Лаппо-Данилевский не был, что было замечено всеми. Накануне он был у Вас[илия] Гр[игорьевича], к[ото]рому он потом объяснял, что не был у нас 2-го случайно и что боится, как бы из этого не вышло истории. С.Ф. очень всем этим раздражен, а мне только грустно думать, что у нас с Лаппо-Дан[илевским] образовались какие-то натянутые отношения без всякого повода с нашей стороны.

ⁱ 2-го вставлено над строкой.

ⁱⁱ Предложение подчеркнуто карандашом и выделено на полях чертой.

Наши ребяташки все кашляют, и у меня уже насморк, очевидно, перешедший от них.

Брат Коля переведен из Рыбинска в Сергиевский Посад⁴. Он этим очень доволен, но Елиз[авета] Людв[иговна] больна, должна лечь в больницу, так что Коля хочет оставить на время Коку у Зины, а маленьких берет с собой. Маму он просит поехать пока с ним, и мама поедет.

24-го декабря С.Ф. горячо говорил с Васильевским на ту тему, что он уйдет из редакции, если его положение в ней не изменится (корректур)ⁱ. Вас[ильевск]ий очень испугался этого разговора, обещал передать все по части корректур С.Ф.-чу и вообще показался очень беспомощным. Но до сих пор (25 января) это обещание не приведено в исполнение.

25 января. 15-го к нам довольно неожиданно приехала моя мама, а сегодня вернулась из Москвы Кл[еопатра] Ал[ександровна]. 11 января у Ивановых родился сын Вячеслав; 20-го я у них была: Анна Павловна, слаба, но весела и спокойна, так как все обошлось благополучно.

18-го было заседание факультета, в к[ото]ром Зелинский подал особое мнение о диссертации Новосадского (из Варшавы): «Культ Кавиров в древней Греции». Соколов принял было эту диссертацию, диспут должен был состояться завтра (26-го), но Зелинский восстал против этого: заседание 18-го продолжалось с 2-х почти до 5-ти часов, присутствовали все профессора, даже Веселовский, всегда отсутствующий, – и в результате диссертацию отвергли; за принятие ее были только Соколов, Введенский и Помяловский, причем последний заявил, что он по существу вполне согласен сⁱⁱ Зелинскимⁱⁱⁱ, но только находит неудобным отвергать диссертацию, раз приняв ее⁵.

19-го в воскресенье мы с С.Ф. были в Итальянской опере, слушали «Фауста»⁶ с Зембрих и Мазини; опера шла прекрасно, но я еще лишний раз убедилась, что опера – не мой любимый жанр. Мы встретили там Покровского, ученика Соколова, к[ото]рому С.Ф. рассказал о провале диссертации Новосадского; Покровский пришел в восторг: по его словам, этот провал удовлетворяет его нравственное чувство, так как диссертация совершенно не удовлетворяет научным требованиям и прямо рассчитана на отсталость Соколова от современной науки.

Сегодня (25-го) в факультетском заседании С.Ф. читал отчет о диссертации Середонина и о медальных сочинениях. Диспут С[ергея] М[ихайловича] назначен на 2 февраля; оппоненты – С.Ф. и Лаппо-Данилевский⁷.

Из сочинений по русской истории, поданных на медаль, два удостоены серебряной медали (Лаппо и Крутлый – «Землевладение в Тверском уезде») и одно золотой (Раевский – «Род князей Шуйских в XVII веке»)⁸.

29-го будет бал на курсах, а 30-го С.Ф. читает в университете публичную лекцию в пользу голодающих⁹.

Вчера (24 января) на курсах читал вступительную лекцию Кондаков, присутствовал Бестужев.

В четверг (23-го) читал в университете публичную лекцию Кареев («Источники исторических перемен»); говорят, публики было больше 200 человек¹⁰.

ⁱ (корректур) дописано на правом поле.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто Соколовым.

ⁱⁱⁱ Фамилия вставлена над строкой.

23-го вечером была у меня Леонтьева и рассказала, что год тому назад произошел у нее разрыв с ее женихом, военным доктором, к[ото]рый сделал ей предложение после 2-х недельного знакомства и невестой к[ото]рого она была 2 года. Я об этом ничего не знала. Она говорит, что сначала ей казалось, что она не переживет разрыва, но что теперь она уже далеко не так сильно сожалеет о том, что разрыв произошел.

Завтра, 26-го, мы с С.Ф. поедem на именины к Марье Ивановне, матери Людм[илы] Феод[оровны].

Наступающая неделя, по моим расчетам, последняя перед моими¹ родами. Господи, как бы мне хотелось, чтобы в трудные минуты около меня было поменьше народу!

В среду 22-го было заседание Историч[еского] общества; в члены комитета избран Форстен; Степанов делал доклад об Афинском университете (по поводу книги Voissier – «La fin du paganisme»)¹¹.

27 января. Сегодня я отвезла нашу старую няню в больницу. Бедная старуха, как она боится, чтобы ей не отрезали носа!

Сегодня в университете совет¹².

10 февраля. Я до сих пор еще на ногах, что меня очень удивляет.¹¹ 30 января была публичная лекция С.Ф. в университете в пользу голодающих. В этот день были именины Васильевского, к[ото]рый, тем не менее, был на лекции и остался ею очень доволен. Вообще народу было много. Я не была, п[отому] ч[то] боялась, что буду слишком волноваться.

29-го в среду был вечер на курсах. С.Ф. был там и вернулся в 4 ч[аса] утра. Концерт был плохой, но в денежном отношении вечер был удачный.

2 февраля был диспут С[ергея] М[ихайловича]ⁱⁱⁱ; он затянулся до 5-го часа, благодаря, главным образом, второму официальному оппоненту Лаппо-Данилевскому, говорившему 1 ч[ас] 40 минут. С.Ф. говорил около часа. С[ергей] Мих[айлович], по-моему, держался слишком скромно и неуверенно. Возражения Л[а]п[по]-Дан[илевско]го всех утомили; они касались, главным образом, того, чего в книге С[ергея] Мих[айловича] нет, но что, по мнению Л[а]п[по]-Дан[илевско]го, должно бы было в ней быть (напр[имер], генеалогия Флетчера). В заключение говорил старик Е[вгений] А[лександрович] Белов, причем все его возражение сводилось к тому, чтобы показать, «что за авторитет г[осподин] Ясинский», о к[ото]ром^{iv} упоминает С[ергей] Мих[айлович] в своей книге. Публика до неприличия хохотала, слушая Белова, и трудно было не хохотать, хотя по человечеству и жаль было старика.

5-го^v в среду были у нас курсистки: Леман, а затем Максимова, Церетели и Александрова, так наз[ываемые] великие вдовы (такое прозвище дано им на курсах). С диспута С[ергея] Мих[айловича] они вынесли такое впечатление, что Л[а]п[по]-Дан[илевск]ий – человек с большим самолюбием.

2-го мы прочли в «Нов[ом] времени» известие о смерти Клейбера, умершего в Ницце от скоротечной чахотки. Бедная его жена! Говорят, его родители до конца не примирились с его браком и не познакомились с его женой¹³.

¹ Слово моими вставлено над строкой.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто 29-го.

ⁱⁱⁱ Отчество М[ихайловича] вставлено над строкой вместо Ф[елдоровича].

^{iv} Слова о к[ото]ром вставлены над строкой вместо к[ото]рого.

^v Слово 6-го исправлено на 5-го.

7-гоⁱ в пятницу состоялась свадьба Саши Розинг, а вчера, 9-го, молодые уехали в Симферополь. Свадьба была очень скромная; я в церкви не была, но пустила туда Ниночку с бабушкой; Ниночка чрезвычайно интересовалась всей церемонией. Саша держалась очень хладнокровно; мне даже не понравилось, как она хохотала, когда отец с матерью благословляли ее образом по возвращении из церкви. Вчера Людм[ила] Феод[оровна] была у нас и рассказывала, что она даже не ожидала, что Саша будет с такими слезами и горем уезжать отсюда. Бедная Л[юдмила] Ф[еодоровна] на себя непохожа; мне кажется, она теперь живет одной мыслью: как бы поскорей поехать к Саше.

8-го состоялся у Донона обед русских историков (кроме Л[а]п[по]-Дан[илевско]го, к[ото]рый в прошлом году не был и к[ото]рого поэтому в этом году иⁱⁱ не приглашали); присутствовали Васильевский и Майков.

На днях у С.Ф. вышел интересный разговор о курсах с Кулиным по поводу затребованных министерством нормальных программ (Холодняк и программа лат[инского] яз[ыка] для III и IV к[урсов]). С.Ф. подал Кулину мысль, что на словесном отделении непременно должен быть декан, каким на матем[атическом] отделении является Имшенецкий. Кулину очень понравилась эта мысль; он хочет говорить об этом с министром.

Недавно в городе прошел слух, что медицинских курсов не будет, что проект их прошел в Государственном совете большинством всех голосов против одного – Победоносцева, подавшего особое мнение, с к[ото]рым согласился государь. Но сегодня С.Ф. принес известие, что этот слух, может быть, и не верен¹⁴.

Сегодня в Уч[еном] комитете Помяловский рассказал С.Ф-чу, что Сенигов развозит по городу билеты на свою лекцию, к[ото]рую он будет читать 25-го в университете в пользу голодающих: он всучил уже билет министру, товарищу министра и др., всего больше, чем на 200 рублей. Какие различные виды может принимать реклама! Интересно, что, кажется, все русские историки собираются на лекцию Сенигова, так как их очень интересует вопрос о том, что он может прочесть.

Отчет Вас[ильевско]го о книге Бубнова напечатан в протоколах факультетских заседаний за [18]91 год¹⁵.

28 февраля. Сегодня четвертый день, как я встала: 17-го в час ночи у нас родился сын Сергей; это – большая радость для нас. Все обошлось хорошо; я чувствую себя прекрасно, и мальчик здоров. Наши девочки в восторге от него. Восприемниками его будут Людм[ила] Феод[оровна] и Вас[илий] Григорьевич Дружининⁱⁱⁱ; я предполагала позвать Соню (сестру) и Ефр[ема] Вас[ильевича] Пустошкина, но ни той, ни другому не удобно теперь сюда приехать.

19-го была в университете публичная лекция Ламанского об Амосе Коменском; публики было 70–100 человек¹⁶. Ал[ексей] Л[еонович] Петров передавал С.Ф-чу, что его лекция эта не удовлетворила, но публике понравилась; собственно педагогической деятельности Коменского Лам[анск]ий, кажется, совсем и не касался, но подробно и в теплых выражениях передал содержание «Лабиринта света»^{iv} и «Рая сердца»¹⁷.

ⁱ Цифра 8 исправлена на 7.

ⁱⁱ Союз и вставлен над строкой.

ⁱⁱⁱ Фраза подчеркнута карандашом и выделена чертой на правом поле.

^{iv} Слово света вставлено поверх зачеркнутого сердца.

25-го читал публичную лекцию Сенигов «О народном воззрении на Ивана Грозного» и собрал 330 рублей!¹⁸ С.Ф. и Чечулин были на этой лекции и хохотали, как безумные: по мнению Сен[иго]ва, например, точка зрения народа на Ивана Грозного – преимущественно экономическая! Было много и других перлов.

Вчера читал лекцию в пользу голодающих политикоэконом Георгиевский и выручил всего 20 рублей!¹⁹

Сегодня скончался от крупозного воспаления легких директор лицея Гартман. Кто-то будет на его место²⁰.

Вчера С.Ф. был у Степанова, у к[ото]рого собрались четыре курсистки I курса; Варв[ара] Павловна к ним не выходила, что, по-моему, очень бестактно с ее стороны. С.Ф. приглашал курсисток к нам.

Сегодня на курсах совет. Кажется, на математическом отделении открываются новые кафедры.

22 февраля граф С[ергей] Д[митриевич] Шереметев читал у Бестужева свою новую статью о смутном времени – в присутствии Бестужева, А[фанасия] Ф[едоровича] Бычкова, Л[ео니다] Н[иколаевича] Майкова, двух Барсуковых, Белова (Е[вгения] А[лександровича]) и С.Ф-ча, к[ото]рый нашел, что в статье много интересных частности (благодаря тому, что Шереметеву доступны многие памятники из монастырских и частных архивов, недоступные для других), но что в общем она слаба.

Сегодня были у меня З[инаида] П[етровна] Любошинская и Е[лена] Н[иколаевна] Замысловская. Последняя рассказала, что все последнее время Ег[ор] Ег[орович] чувствует себя очень плохо: невралгические боли совершенно измучили его; ни днем, ни ночью он не знает покою; когда слушаешь о том, как он мучится, право, иногда начинаешь желать, чтобы поскорей смерть избавила его от этих мучений, потому что, кроме смерти, ничто и никто ему помочь не может.

Кажется, скоро начнут печатать в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]» мой перевод «Риторики»²¹; мне даже страшно об этом подумать.

О Гилярове. В февр[альской] книжке «Русск[ой] мысли» появился рассказ о диспуте и остальной истории Гилярова, причем автор заметки станвится всецело на сторону Кареева²². Как много шуму наделала эта история и как она всем надоела!

В этой же книжке «Русск[ой] мысли» помещена очень странная рецензия Милюкова на книгу Середонина, к[ото]рая (книга) якобы доказывает, что петерб[ургская] школа (историческая) раскаялась в своих прежних заблуждениях и решила обратиться на путь истинный. Васильевский и С.Ф. недовольны этой рецензией²³.

Вчера опять происходило у Бестужева чтение статьи гр[афа] С[ергея] Д[митриевича] Шереметева. Присутствовали те же, что и в первый раз, + Бартенева (редактор «Русск[ого] архива») и Ап[оллон] Майков¹.

В пятницу 28 февр[аля] был совет на курсах. О деканстве речи не было, так что, очевидно, это дело не устроилось. Шла речь о том, удобно ли разделять между 2 профессорами преподавание одной и той же эпохи (Ср[едних] веков в этом году и новой истории в будущем). С.Ф. высказался против такого

¹ ков дописано на левом поле.

разделения, Степанов начал говорить за; Кареев изложил дело исторически и предложил подвергнуть вопрос баллотировке, но это предложение было отвергнуто и вопрос остался нерешенным. Потом Форстен говорил Васильевскому, что если на будущий год его положение на курсах не изменится, он уйдет (в этом году Кареев читает Ср[едние] века до Крестовых походов, а Форстен с Крест[овых] походов, на будущий год Кареев хочет читать Революцию, а Форстену предлагает читать Реформацию).

Соболевский уходит с курсов и рекомендует вместо себя приват-доц[ента] университета Лося²⁴. Говорят, даже Булич на курсах пользуется бóльшим успехом, чем Соболевский. Неужели он не мог интереснее построить свой курс?

4 мартаⁱ. Сегодня среда; мы ждем курсисток.

5 мартаⁱⁱ. Вчера у нас было 5 курсисток I курса (Заборовская, Постникова, Криль, Яковлева и Календа) и с III к[урса] Леман и Максимова. Вообще народу набралось много и было довольно шумно. С.Ф. очень доволен вчерашним вечером, и я была бы им вполне довольна, если бы у меня теперь над всеми настроениями не господствовала усталость. Дай Бог, чтобы наша старая няня скорей вернулась домой: все-таки мне с ней было бы гораздо легче.

В понедельник (2-го) уехала моя мама; мне ужасно грустно подумать, что бóльшую часть времени, проведенного здесь, она прожила не в моем доме и что я сравнительно мало ее видела.

В воскресенье (1-го) я получила письмо от Щепкиной²⁵, к[ото]рая, по поручению Н[адежды] В[асильевны] Стасовой, извещает меня, что окончившие на наших курсах решили основать общество взаимной помощи; меня приглашают в число учредительниц; я написала, что, не зная устава общества, я затрудняюсь явиться в числе учредительниц, но что охотно буду членом²⁶.

Вчера днем у меня была М[ада]ме Ламанская и показалась мне удивительно неинтеллигентной; конечно, заботы о семье многое оправдывают, но все-таки я не желала бы походить на М[ада]ме Ламанскую.

7 марта. Вчера С.Ф. читал в Литературном обществе²⁷ (председатель к[ото]-рого Исаков, а товарищ председателя Л[еоид] Н[иколаевич] Майков) лекцию на тему «Первые русские западники»ⁱⁱⁱ. Зала была почти пуста, и вообще вся обстановка этого общества крайне не понравилась С.Ф.-чу. Он подозревает, что его пригласили прочесть эту лекцию, для того чтобы сбором с нее несколько поправить денежные дела Общества; впрочем, Майков, приглашая его, ни одним словом об этом не заикнулся. Одно только несколько вознаграждает С.Ф.-ча за вчерашний вечер: 1) в первый раз его слышал Майков и остался доволен его лекцией, даже советовал ее напечатать, 2) С.Ф. вчера познакомился с Бильбасовым, к[ото]рого я почему-то представляла себе молодым человеком, а между тем оказывается, что он одних лет приблизительно с Майковым (Л[еоидом] Н[иколаевичем])²⁸. Бильбасов с ужасом говорит о Сенигове, к[ото]рый привез ему два 5-рублевых билета на свою лекцию; по мнению Бильб[асо]ва, эта лекция положительно компрометирует университет; он не понимает, как мог распорядительный комитет (Фойницкий, Кареев и др.) допустить подобную лекцию.

ⁱ Слова 4 марта вставлены на левом поле.

ⁱⁱ Слова 5 марта дописаны на левом поле листа перед абзацем.

ⁱⁱⁱ От начала абзаца до слова западники текст выделен чертой на левом поле.

Говорят, будто на место покойного Гартмана директором лицея будет И[ван] П[етрович] Хрущов²⁹. В таком случае, пожалуй, Коркунову придется подать в отставку.

Сегодня была у меня В[арвара] П[авловна] Степанова, к[ото]рой С.Ф. уступил свой билет на завтрашний курсовой вечер. Пожалуй, это будет не особенно приятно ее мужу; впрочем, их не разберешь: он уверяет, что она нигде не бывает, п[отому] ч[то] сама этого не хочет, а она говорит, что он желает, чтобы она сидела дома.

13 мартаⁱ. Неприятная история с докторской диссертацией Барбашева: ее должны рассмотреть С.Ф. и Васильевский, к[ото]рые, после долгих размышлений, решили предложить ему взять диссертацию назад, но он не хочет этого делать и предполагает, в ответ на отчет Васильевского о его книге, представить свои объяснения³⁰.

11-го крестили Сережу. Людм[ила] Феод[оровна] крестила заочно, так как у них в квартире захворала скарлатиной Котя, к[ото]рую мать прислала к Людм[иле] Феод[оровне], чтобы отделить ее от заболевших раньше ее скарлатиной младших детей.

11-го же вернулась из больницы няня. В этот же день был у нас Борхсениус, к[ото]рого мы вызвали для Кл[еопатры] Ал[ександровны]: он предполагает, что причина всех ее болезней – ее женская болезнь, и советует ей непременно обратиться к акушеру. Я все боюсь, не рак ли матки у нее, и так тяжело об этом думать: точно чувствуешь над собой дыхание смерти.

Курсовой вечер 8 марта очень удался; только Булич, к[ото]рый должен был играть на forte-pianoⁱⁱ, не явился. Поэтесса с I курса – Малаховская, говорят, несомненно обладает поэтическим талантом.

В среду 11-го у нас собралось 18 человек гостей, из них 11 курсисток. Из слушательниц I к[урса] мне очень нравится Постникова, а Заборовская мне не кажется особенно умной.

Вчера Кареев, С.Ф. и Степанов собрались у Степанова и составили доклад, к[ото]рый хотят представить совету и в к[ото]ром ходатайствуют о введении на курсах преподавания политической экономии³¹. Кареев сказал, что на совете он заявит также о желании С[ергея] Ф[едоровича] Ольденбурга прочесть на курсах в [18]93 годуⁱⁱⁱ бесплатно, в качестве приват-доцента, курса по истории Востока³². С.Ф. находит, что вопрос о^{iv} приват-доцентуре на курсах должен быть сперва принципиально решен в ту или другую сторону и что только после этого можно говорить о приват-доцентуре на курсах^v.

В ночь с 9-го на 10^{vi} марта в Кронштадте внезапно скончался Мих[аил] Ив[анович] Семевский 55 лет. Он читал в Кронштадте публичную лекцию, почувствовал себя дурно, вернулся в гостиницу и в ту же ночь скончался, как предполагают, от порока сердца, осложненного крупозным воспалением легких³³. Кто мог думать, что конец его так близок! Он был еще очень бодрый старик.

ⁱ Слова 13 марта вставлены на левом поле напротив текста.

ⁱⁱ Фортепиано (итал.).

ⁱⁱⁱ Слова в [18]93 году вставлены над строкой.

^{iv} Слова вопрос о вставлены над строкой.

^v Абзац на странице выделен карандашной чертой на правом поле.

^{vi} Слова с 8-го на 9-е исправлены на с 9-го на 10-е.

Третьего дня я получила письмо от мамы³⁴, к[ото]рая пишет, что и Со-ня-невестка, и Елиз[авета] Людв[иговна] собираются в Москву, чтобы посо-ветоваться с М[ада]ме Пружанской: обе они больны. Господи, как я боюсь этих женских болезней!

Соня мне пишет, что Корш хлопочет о переводе в Москву³⁵. Он будет в этом году здесь председателем экзаменационной комиссии³⁶, в к[ото]рую, по-видимому, не войдет С.Ф.: по крайней мере, до сих пор он не получал никакого извещения об этом. Мне очень хотелось бы видеть Корша.

Мою «Риторику» обещают начать печатать в мае; я даже отчасти рада, что ее не поместят в апрельской книжке: все это время мне даже некогда пересмотреть перевод и написать маленькое предисловие.

С.Ф. занят теперь рецензией на книгу Середонина, по поручению Академии³⁷.

Последние дни у меня очень подавленное настроение под влиянием бо-лезни Кл[еопатры] Ал[ександровны]: я ужасно боюсь за нее.

14 марта. 9½ часов вечера. Все мои ребяташки спят. С.Ф. уехал на собрание историков. Кл[еопатра] Ал[ександровна] лежит у себя, няня отдыхает после всенощной³⁸. С.Ф-чу так не хотелось оставлять меня одну; он все колебался, ехать ему или оставаться дома. Я сама убедила его поехать, а между тем как у меня тоскливо на душе! Так хотелось бы отвести с кем-нибудь душу. Эта болезнь Кл[еопатры] Ал[ександровны] наводит меня на такие безотрадные размышления: как близка смерть от каждого из нас и как не хотелось бы умереть, пока дети так малы. И потом – до какой степени ничтожной пред-ставляется вся наша жизнь и деятельность. Какой же смысл во всем этом? Люди рождаются и умирают, поколение сменяет поколение – какую же роль играет в этом отдельная личность?³⁹

Часто я задумываюсь также над тем, до какой степени различна роль мужчины и женщины в семейной жизни: женщина по большей части дома, с детьми и хозяйством, мужчина – преимущественно вне дома, постоянно сталкивается с множеством лиц, интересы его постоянно обновляются. Я не скажу, чтобы роль его была завиднее, но до какой степени она легче и показнее!

В последней книжке «Вестн[ика] Евр[опы]» помещена очень лестная рецензия Пыпина об издании С.Ф-ча⁴⁰. Я нахожу, что эта рецензия человека несомненно знающего, и письмо, полученное С.Ф-м от Ключевского в ответ на письмо, посланное ему вместе с томом издания⁴¹, дают С.Ф-чу основание думать, что труд его высоко оценен специалистами.

«Русские вед[омости]» сообщают, что Мих[аил] Ив[анович] Семеvский завещал «Русскую старину»⁴² и все свои бумаги Вас[илию] Ив[ановичу], своему брату⁴³.

Сегодня «Новое время» сообщает слух, будто директором лицея назна-чается инспектор лицея барон Врангель⁴⁴. Как же поступит в таком случае Коркунов?

20 марта¹. Какие плохие вести приходится слышать о деятельности Особого комитета!⁴⁵ Говорят, Бобринский, посланный этим комитетом в Тамб[овскую]

¹ Слова 20 марта вставлены на левом поле напротив текста.

губ[ернию], перед отъездом получил самые удивительные инструкции: главная-де его миссия заключается в том, чтобы помирить губернатора и архиерея, к[ото]рые все ссорятся между собой⁴⁶. Он должен организовать помощь голодающему населению, но чем меньше денег он истратит, тем лучше. Говорят еще о выходке вел[икой] кн[язини] Екатерины Мих[айловны] против Особого комитета: она приняла на аудиенции¹ даму (специалистку по кружевному делу), едущую в голодающие губернии, и вручила ей 10 тысяч рублей для помощи и на вопрос этой дамы, прикажет ли она передать эти деньги в Особый комитет, ответила: «Пожалуйста, действуйте помимо комитета, я верю вам больше, чем ему». – Как все это грустно! И какую громадную популярность мог приобрести в этот голодный год наследник, если бы он энергично принялся за дело.

Вчера читал в университете публичную лекцию Лаппо-Данилевский на тему: «Важнейший иноземный фактор в образовании древнерусской культуры (христианство)»⁴⁷. Посторонней публики было мало, студентов много – всего народу около 100 человек. Рождественский передавал С.Ф.-чу, что лекция его не удовлетворила: она была-де очень элементарна и годилась бы для общего курса по русской истории, читаемого I курсу.

Третьего дня приходила к нам прощаться А[нна] П[етровна] Хошева, а вчера ее муж. Интересно, что А[нна] П[етровна] умудрилась через Делянова достать 2 даровых билета от Ростова до Владикавказа; мало того: она просила Делянова о переводе ее зятя П[етра] О[сиповича] Шухарева в Владикавказ или куда-нибудь по близости, и Делянов обещал написать попечителю Кавказского уч[ебного] округа⁴⁸; затем Делянов просил Анну П[етровну] зайти к нему еще раз перед отъездом проститься и прислать ему из Владикавказа свою карточку. Вот нравы! Даже не знаешь, кому больше удивляться: Делянову, к[ото]рому около 100 лет⁴⁹, кажется, Анне П[етровне], к[ото]рая отлично понимает, на какой струнке она играет, или ее супруга, к[ото]рый с улыбкой говорит обо всем этом.

Сегодня совет на курсах, где хотят ввести преподавание гигиены и педагогики⁵⁰ (по мысли Введенского, переданной им через Пушкареву курсисткам; С.Ф.-чу не нравится, что Введ[енск]ий повел это дело помимо совета).

С.Ф. попал в комиссию для пересмотра программ реальных училищ⁵¹; вчера было первое заседание ее у Хрущова.

А Васильевский склонен пропустить диссертацию Барбашева: человек много работал, но у него нет таланта, и в этом его беда. С.Ф. на это отвечает, что лично у него хватило бы сил, чтобы провалить диссертацию, но не хватает на то, чтобы оправдать ее допущение; поэтому он предлагает Вас[ильевско]му рецензировать ее перед факультетом. Помяловский сильно против нее.

Вчера и сегодня Кл[еопатре] Ал[ександровне] гораздо лучше.

Сегодня я прочла в «Нов[ом] времени» о смерти Веревкиной⁵². Жаль ее, она была еще так молода; и дочь жаль.

Мне кажется, я теперь понемногу начну справляться со всеми своими делами; вот мои *ria desideria*: по возможности, играть ежедневно, хотя бы

¹ Слова на аудиенции вставлены над строкой.

понемногу, затем прочесть «Laⁱ fin du paganisme» Gaston Boissier и окончательно просмотреть свой перевод «Риторики».

А где-то нам придется провести лето?

31 марта. А вопрос о лете у нас все еще не решен. Вчера был у С.Ф. А[лександр] Ф[едорович] Селиванов и сообщил кучу новостей. Он рассказывает, между прочим, что ректора здешней духовной Академии Антония посылают в Уфу⁵³, п[отому] ч[то], по мнению Победоносцева, он становится здесь слишком популярен: даже государыня дала ему панагию⁵⁴. Вот основательная причина! Рассказывал он также о Никаноре Херсонском⁵⁵, этом строгом моралисте и проповеднике, что он, в бытность свою в Оренбурге, имел там от вице-губернаторши детей. Акимов (ученик С.Ф. по институту), бывший в это же время у С.Ф., подтвердил это (сам он из Оренбурга), говоря, что это было всем известно.

В последнюю среду курсистки говорили, что тон возражений и самые возраженияⁱⁱ Лаппо-Данилевского на диспуте Середонина очень не понравился большинству публики, к[ото]рое было на стороне Середонина. Удивительно, как часто Л[а]п[по-]Д[ан]и[левский] вредит себе сам своей манерой держаться!

Недавно скончался П[омпей] Н[иколаевич] Батюшков, 80 слишком лет от роду⁵⁶. Старик чувствовал приближение смерти и так желал успеть увидеть в печати отзыв о своем последнем издании «Подолгия»⁵⁷. Ф[едор] Д[митриевич] Батюшков⁵⁸ очень хлопотал об этой рецензии, к[ото]рую взялся написать для «Журн[ала] Мин[истерства] народного просвещения» Бершадский. С.Ф. несколько раз просил Бершадского поспешить, но тот тянул, тянул, наконец, обещал наверно представить рецензию к такому-то дню – и не представил⁵⁹, а между тем именно в этот день П[омпей] Н[иколаевич] умер. Жаль старика.

В последнем заседании Археографической комиссии (26 марта) решено избрать С.Ф. в члены, если он согласится взять на себя издание Полного собрания летописей⁶⁰. С.Ф-чу показалось странным, что при избрании его в члены ставятся условия, хотя бы и почетные. Но Васильевский находит, что условия эти так почетны, что ими обижаться нельзя, и послал С.Ф. к Бычкову, к[ото]рый вчера в Публ[ичной] библ[иотеке]⁶¹ принял С.Ф-ча как-то странно: С.Ф.: «Меня послал к вам Вас[илий] Гр[игорьевич] Васильевский». Бычков: «Да, если вы потрудитесь зайти ко мне после праздника⁶², то мы с вами поговорим об одном деле, можно ли его устроить при нек[ото]рых условиях». С.Ф. был чрезвычайно обижен таким приемом Бычкова и ни за что не хочет идти к нему во второй раз. Удивительный народ эти генералы от науки: человек вывез на своих плечах издание целого тома документов, употребил на это почти три года, эти генералы подписались под томом (что он издан под их «смотрением»), имени С.Ф. даже не упоминая, и теперь как бы желают дать почувствовать С.Ф-чу, что избрание его в члены Арх[еографической] ком[иссии] – величайшая честь, чуть не благоденствие для него. Впрочем, сегодня Майков говорил Вас[ильевско]му, что напрасно С.Ф. так остро принял вчерашний разговор свой с Б[ычковы]м: Б[ычко]в говеет⁶³ и, вероятно, просто чувствовал себя вчера усталым или

ⁱ Слово La вставлено над строкой.

ⁱⁱ Слова и самые возражения вставлены над строкой.

раздраженным и потому не хотел говорить с С.Ф-м, к к[ото]рому он вообще хорошо относится.

Недавно умерла от родильной горячки жена помощника классного наставника I гимназии – Шишкина. Смерть эта вызвана была следующими обстоятельствами: этот Шишкин заведывал канцелярией гимназии, принимал и отправлял пакеты и т.п., потому что письмоводитель, любимец директора, настолько безграмотен, что не в состоянии заведывать этим. Однажды в гимназии получена была бумага из полиции, где сообщалось, что один из учителей гимназии Ремезов уличен полицией в педерастии. Шишкин, друг и приятель Ремезова, скрыл эту бумагу. Через несколько времени получена была от полиции другая бумага: так как гимназия не обратила никакого внимания на сделанное ей полицией сообщение относительно г[осподина] Ремезова, то она, полиция, высылает Ремезова из Петербурга. Начался розыск, дознано было, что Шишкин бумагу утаил, и его выгнали со службы. Это страшно¹ подействовало на его жену, только что родившую, – и в результате пять малолетних сирот^{63а}; вот поистине ужасная драма!

Третьего дня К[онстантин] А[лексеевич] Иванов представил свой учебник средней истории⁶⁴; дай Бог, чтобы Васильевский его одобрил⁶⁵.

Третьего же дня прислали из типографии первые гранки моей «Риторики». Наконец-то!

5 апреля. Вот и Пасха наступила. Сегодня погода довольно хорошая, но мокро и ветер. Гостей у нас сегодня перебивало не особенно много. Чечулин, а затем и Дружинин рассказали об инциденте, ознаменовавшем сегодняшней выход во дворце: чуть не перед самой заутреней⁶⁶ во дворце обгорела часть проволоки, служившей проводником при электрическом освещении; так[им] обр[азом], осветить дворец электричеством оказалось невозможно, другого освещения во дворце нет, и огромные залы дворца к заутрене оказались погруженными в глубокий мрак; была освещена только тронная зала, а в прочих мерцало несколько маленьких лампочек; толпы, съехавшиеся во дворец, потолкавшись в темноте, разъехались немедленно по окончании богослужения, так что выхода, собственно говоря, не состоялось; говорят, государь был очень недоволен всем этим.

Как-то на Страстной неделе⁶⁷ С.Ф. зашел в Археогр[афическую] ком[иссию] и имел там интересный разговор с Тимофеевым: Т[имофеев] сказал, что том документов, изданный С.Ф., – жемчужина, п[отому] ч[то] он издан так, что в нем «ни сучка, ни задоринки». По его мнению, С.Ф. не должен остро относиться к Бычкову: он самодур, за ним это водится, но ему делает честь, что он придумал передать С.Ф. издание летописей; от этого Т[имофеев] ждет большой пользы для дела.

Сегодня С.Ф. встретил у Помяловского Павловского из Одессы; последний передавал С.Ф.-чу, что Корш, как он говорил Павловскому, очень рад будет встретиться в П[етер]бурге с своей ученицей, то есть со мной⁶⁸. И я очень буду рада этому.

Кл[еопатра] Ал[ександровна] чувствует себя лучше, но за последние дни она утомилась, так как была три раза в церкви. – Маленький Сережа сегодня

¹ Слово страшно вписано поверх зачеркнутого так.

целый день спал, Надя тоже была покойна, но Верочка бушевала с утра, а Ниночка к вечеру.

А бедный Замысловский уже начал испытывать на себе новое целебное средство – виталин⁶⁹, п[отому] ч[то] «не вечно же мне хворать». Вот логика больного!

А у Бестужевых их маленький племянник Андрейка только что перенес брюшной тиф; везет им на больных.

11 апреля. Вчера вечером мы были у Леонтьевых, а сейчас у нас был Ламанский. С.Ф. занят отчетом по делу о столкновении между профессорами Казанского ун[и]в[ерситет]а Корсаковым и Фирсовым-отцом, заслуженным профессором, по поводу программы лекций, представленной Фирсовым-сыном, магистрантом по русск[ой] истории. Корсаков признал программу неудовлетворительной, а Фирсов-отец, заслуженный профессор Казанского ун[иверсите]та, вступился за сына; в результате возникло целое дело, пересланное сюда в департамент. Делянов велел передать это дело С.Ф-чу, с тем чтобы он дал свое заключение о нем. С.Ф. стал на сторону Корсакова⁷⁰. Но каким недостойным представляется все это дело: университет выносит из своих стен ссоры и дразги своих профессоров и отдает их на суд департаментских чиновников!

14 апреля¹. Сегодня С.Ф. заезжал на курсы и узнал, что Хрущов, явившись на экзамен Введенского, позволил себе, в разговоре с В[арварой] П[авловной] Веселовской, громко бранить Кулина, расхаживая по зале, употребляя выражения вроде: он мне поплатится. Вот животное! Хороша и Веселовская. Вся эта история из-за того, что Кулин не послал Хрущову отметки, поставленные на экзамене С.Ф-ча, предполагая, после окончания экзаменов, послать ему все отметки сразу. Интересно, как будет действовать Кулин.

Кулин доложил министру о Середонине, и министр согласился на приглашение его для преподавания русской истории на курсах. О введении на курсах преподавания «пропедевтического законоведения» (то есть политической экономии) Кулин министру не доложил – якобы по недостатку времени, но С.Ф. думает, что Кулин не сочувствует введению этого предмета, потому и не доложил.

Летом Кулин хочет на два месяца уехать куда-нибудь подальше, чтобы хорошенько поправиться после своей инфлуэнцы, и просит С.Ф-ча произвести вместо него прием на курсы. С.Ф. на это согласен.

Еще до Пасхи был на курсах ускорительный экзамен у Кареева. Максимова мне говорила, что отвечали плохо и что это раздражило Кареева, а Синявина сегодня сообщила С.Ф-чу, что курсистки остались очень довольны Кареевым, находя, что он на экзамене вполне оправдал данное ему на курсах прозвище Олимпийца. – Лично мне кажется неловким, что Кареев для своего экзамена, кроме лекций, требует от курсисток знания лекций Петрова по всеобщей истории⁷¹ (конечно, в некоторых частях) и двух своих книжек («Крестьяне» – и «Введение в ср[еднюю] историю»)⁷²; эти книги стоят более 4 рублей, и это неловко.

Мы проведем лето на Сиверской. Третьего дня С.Ф. туда ездил.

¹ Слова 14 апреля вставлены на левом поле напротив текста записи.

Козеко

20 апреля. Еще, помнится, на Пасхе Вас[илий] Гр[игорьевич] Дружинин передавал С.Ф-чу, что Козеко горько жаловался ему на свою судьбу, считая виновником всех своих несчастий С.Ф-ча и Степанова, как прежде считал Рашевского. Сколько я ни думаю обо всей этой истории, я постоянно прихожу к заключению, что Сережа ни на йоту не виноват перед Козеко; не мог же он, в самом деле, прямо сказать ему: я рекомендую на свои уроки истории Степанова потому, что, освободись в Петр[овском] училище хоть 500 уроков по истории, Рашевский⁷³ не даст вам из них ни одного: таково его отношение к вам.

Эти дни здесь был проездом из Дерпта в Москву Дьяконов; он привез сюда всю свою семью, так как его жене нужно здесь посоветоваться с докторами и полечиться. Их младшая (3-месячная) дочь родилась с пороком сердца. Вот несчастный ребенок!⁷⁴

Интересны воспоминания Дьяконова о его московских впечатлениях: в Москве правление монархическое; всякий кружок кому-нибудь поклоняется: Милюков Виноградову, Сторожев (очень несимпатичный, по мнению Дьяконова, человек) Милюкову и т.д. Все москвичи очень злы на язык (а может быть, и в другом отношении, прибавляет Дьяконов), очень резки, но в своих отзывах о П[етер]бурге они при Дьяконове очень осторожны. Самолюбивы они до чортиков. Всего не передашь, но из рассказов Дьяконова как-то разом и С.Ф-чу стало ясно, что Милюков – неискренний человек, что он способен¹ не только не говорить того, что он думает, но даже и говорить то, чего он не думает.

Интересен отзыв Л[ео]нида Н[иколаевича] Майкова о московских ученых, высказанный им недавно в разговоре с С.Ф.: они любят выставлять себя либералами и склонны упрекать петерб[ургских] ученых в «падам до ног»⁷⁵ перед сильными мира сего, но едва они появляются сюда, как немедленно начинают усерднейшим образом обивать пороги у этих сильных.

Сегодня С.Ф. встретил в министерстве Бычкова, к[ото]рый просил его зайти поговорить. Вообще Бычков ведет в этом деле какую-то игру. Если бы не уверения Майкова, что Бычков наилучшим образом относится к С.Ф-чу, С.Ф. отказался бы от всей этой канители.

«Бумага» Лихачева принята в Казани за докторскую диссертацию большинством 11 голосов против 1-го – Корсакова⁷⁶. Говорят, это дело рук Фирсова, чтобы досадить Корсаковуⁱⁱ. Ну факультет!

Диспут Милюкова состоится, вероятно, во второй половине мая⁷⁷.

Диссертация Барбашева (Васильевский и Ламанский).

Статья С.Ф. о четвертях⁷⁸.

25 апреля. Васильевский склонен пропустить диссертацию Барбашева – на том основании, что он, Барбашев, сделал относительно своей темы все, что мог; большего он сделать не мог, п[отому] ч[то] у него нет таланта. 18 апреля было факультетское заседание, где говорили о Барбашеве, но не пришли ни к какому решению. С.Ф. заявил, что, если Васильевский берет на себя проведение этой диссертации, он, С.Ф., к нему присоединится, но сам на себя не возьмет ее проведение. Это дело отложили до следующего заседания

¹ Слово способен вставлено над строкой.

ⁱⁱ Абзац выделен карандашной чертой на левом поле.

факультета, п[отому] ч[то] многие профессора только что получили книгу Барбашева и еще не успели прочесть ее⁷⁹. Вечером мы были у Ламанских. Л[аманск]ий против пропуска этой диссертации: она-де неудовлетворительна и ее пропуск может создать опасный прецедент для будущего.

В воскресенье вечером мы были у Ивановых; они наняли дачу в Стрельне.

В среду у нас была в первый раз сестра Дьяконова (III к[урс]); она очень симпатична, напоминает свою сестру Короваеву. С[ергей] В[асильевич] Рождественский, Пресняковⁱ и Лаппоⁱⁱ много говорили о государственных экзаменах: первый держал их в прошлом году, второму предстоит держать их теперь, третьему – в будущем году. Боже, во что превращаются эти экзамены! В самом деле, хорошо положение студентов: они должны держать экзамены по программам, к[ото]рые не выполняются профессорами; мало того, иногда профессора даже не указывают студентам тех пособий, по к[ото]рым они могут готовиться к экзамену по их предмету. Например, в прошлом году оказалось, что курсы, читанные Ламанским, соответствуют только первым 5 билетам правительственных программ; к остальным билетам студенты могли готовиться, по чему хотели, п[отому] ч[то] Ламанский никаких указаний им не дал, а сказал, что экзаменовать их будут по программе, составленной соответственно его курсам. Однако Беляев, председатель экз[аменационной] ком[иссии], на это не согласился и произвел экзамен по правительственной программе; в результате провалились более или менее все, кроме Рождественского и Гримма, взявших первые билеты. Студент, взявший билет: «Венгрия в XIII–XVIII веках», не ответил буквально ни слова; существует легенда, будто он сказал: «Венгры не славяне, поэтому я о них отвечать не буду; вы еще, пожалуй, меня о печенеггах будете спрашивать». Рожд[ественск]ий говорит, что, попадись ему этот билет, он тоже не сказал бы ни слова: только в словаре Березина он нашел сведения о Венгрии в эти века⁸⁰, но с такой массой цифр и годов, что ничего не мог запомнить (это было накануне экзамена). Ф[едор] Ф[едорович] Соколов добился от Беляева того, что экзамен был произведен по его, а не по правит[ельственной] программе, иначе был бы полный скандал: по правит[ельственной] программе требуется вся римская история, а он читает только несколько веков и т.д. По-моему, нужно бы сначала добиться, чтобы студентам в ун[иверсите]те читались курсы, соответствующие правит[ельственным] программам, а потом уже экзаменовать их по этим программам. Иначе эти экзамены сведутся к нулю и придется постоянноⁱⁱⁱ прибегать к разным ухищрениям, чтобы они происходили без скандалов, как прибегают и теперь: напр[имер], Беляев в прошлом году делил программу всякого предмета на две части; в каждой части была своя нумерация, и студенту, взявшему, напр[имер], 5-й билет, предоставлялось отвечать по собственному выбору 5-й билет из первой или из второй части курса, в надежде, что если он не знает одного 5-го билета, то знает другой; но и эта хитрость не всегда помогала. Пресняков говорит, что его, ввиду экзаменов, утешает одно: такие нелепости можно безнаказанно говорить на государств[енных] экзаменах, что трудно даже

ⁱ Сверху над фамилией вставлено 2.

ⁱⁱ Сверху над фамилией вставлено 1.

ⁱⁱⁱ Слово постоянно вставлено над строкой.

представить себе, чего нельзя говорить. Один, напр[имер], на вопрос: какие главнейшие сочинения Спинозы, ответил: еврейская грамматика⁸¹, – и кончил по первому разряду. Другой ни слова, буквально ни слова не мог сказать о Локке. Третий на вопрос, какие были причины какой-то войны, ответил: да разные – и рукой при этом махнул. И все эти студенты хорошо кончили. Интересно, как будет вести экзамены Корш; он уже приехал, и сегодня первое заседание экзаменац[ионной] комиссии. Ламанский во второе полугодие этого учебного года прочел всего три лекции; интересно знать, какую часть правит[ельственной] программы он выполнил. А между тем жаль было бы, если бы он ушел из университета: за ним имя, известное направление, целая школа учеников⁸².

Вчера мы были в Алекс[андринском] театре, смотрели «Медовый месяц» Соловьева⁸³; я в первый раз в жизни присутствовала на дебюте и очень радовалась за дебютантку Потоцкую, к[ото]рая играла блестяще; она такая молоденькая и хорошенькая, столько в ней жизни, движения и веселья, что отрадно было смотреть на нее. Я все повторяла С.Ф-чу: кто знает, может быть, мы присутствуем на дебюте восходящей звезды⁸⁴.

Сегодня у меня громадная радость: к нам пришла Катерина, бывшая Верочкина няня, и я наняла ее для Сережи. Я просто не верю своему счастью.

Вчера С.Ф. был в Публ[ичной] библи[отеке] и беседовал с Бычковым об издании летописей⁸⁵.

Археогр[афическая] комиссия.

В четверг 23-го С.Ф. был на курсах ассистентом у Введенского на II к[урсе]; отвечали хорошо.

Сегодня из заседания экзаменационной ком[иссии] С.Ф. хотел проехать к Лисовскому, к[ото]рый после долгого промежутка опять появился на нашем горизонте (был у нас в воскресенье 19-го¹).

Мама теперь в Верее у Над[ежды] Павл[овны].

Последнее время я замечаю в себе какую-то раздражительность, и это мне очень неприятно.

Дьяконов об Ольденбурге.

Трачевский был у нас в среду; он очень интересный и живой собеседник; он просил С.Ф-ча передать Кулину, что он желал бы читать на курсах⁸⁶, напр[имер], историю Востока, к[ото]рая у него «хорошо идет».

«Русская старина»ⁱⁱ.

3 мая, воскресенье. В среду 29-го у нас собралось человек 20; было четыре старика: Корш, Майков, Лев Ник[олаевич] и Замысловский. Последний ужасен: быть может, он потрясен смертью Баранова и Грессера⁸⁷, умерших от заражения крови при впрыскивании внутрь вновь изобретенного целебного средства – виталина; и Замысловский лечится виталином.

Корш и Майков весь вечер были вместе; Корш много рассказывал и острил; он очень интересный собеседник, но сильно постарел. Майков ему вторил – и концерт получался занимательный. Неловкий разговор вышел о Карееве: Корш расспрашивал о его положении в университете, иронизировал,

¹ 19 исправлено по верху 18.

ⁱⁱ Оставлено 4 строки для записей.

вспоминая его магистерский диспут⁸⁸, говорил: «он все тот же, Николай Иванович», но все время очень осторожно выражался о нем, так что, когда С.Ф. выразился о Карееве, что он – человек ограниченный, Корш отрекся от этого: я этого не говорил и ничего этого не знаю. Мне это было очень неприятно: не следовало Сереже так отзываться о Карееве, с к[ото]рым он не в особенно дружеских отношениях.

Меня заинтересовал ответ Майкова и Корша о московском зоологе А[натолии] П[етровиче] Богданове, к[ото]рого я привыкла считать почтенным ученым; по их словам он – человек умный, но не талантливый, давно разменявшийся на мелкую монету, присяжный выставочник и т.п.⁸⁹

В пятницу, 1 мая, в годичном заседании Общ[ества] люб[ителей] др[евней] письм[енности] С.Ф. делал доклад о четвертях⁹⁰ (то же, что статья С.Ф. в майской книжке «Журн[ала] Мин[истерства] народного просвещения»). Бычков заявил, что он во всем согласен с С.Ф., а Корш собирался возражать ему по всем пунктам, но С.Ф. даже не знает, шутил он или говорил серьезно.

В субботу, 2-го, было факультетское заседание. Васильевский не приготовил¹ отчета о диссертации Барбашева, так что С.Ф.-чу поручили его написать и все дело отложили до осени⁹¹. Сколько тут неловкого и неудобного для С.Ф.! Ламанский в факультете сказал, что, если Васильевский напишет за книгу Б[арбаше]ваⁱⁱ, он напишет против С.Ф. говорит, что, напиши Вас[ильевск]ий за, он, С.Ф., подписался бы под его отзывом, подчиняясь, так сказать, его авторитету. Но так как Вас[ильевск]ий ничего не написал и писать поручено С.Ф.-чу, то последний будет действовать, как ему указывает совесть: напишет против книги, но заранее известит об этом Барбашева и посоветует взять диссертацию назад. Я это вполне одобряю, но как это неловко! С.Ф. – младший товарищ Барб[аше]ва⁹², магистр – не примет докторской диссертации Б[арбаше]ва, к[ото]рый, в довершение всего, человек психически больной!

Вчера я с детьми ездила на вокзал провожать Дьяковскому, к[ото]рая уехала в Москву. Ей не дали спальных билетов, так что ей с тремя маленькими детьми и няней пришлось ехать в простом третьем классе.

Сегодня у С.Ф. собрались Анонимов, Кондратьев и Беллярминов и долго толковали о программах по истории для реальных училищ.

Катерина теперь у меня, и я отдыхаю, но нервы мои все-таки гуляют. Кл[еопатра] Ал[ександровна] последние дни опять плохо себя чувствует.

1-го совершенно неожиданно к нам явилась Над[ежда] Никан[дровна] Смородская, приехавшая сюда на несколько дней по делам в Государственный банк.

1 мая я ездила с детьми в Таврический сад⁹³.

Во вторник, 28 апреля, вечером мы были у Бестужева; он за пропуск диссертации Барбашева: таланта нет, но и нелепостей нет, есть начитанность, трудолюбие.

14 мая. За это время у нас произошло много событий. Постараюсь изложить их по порядку. 6-го я ездила с Катериной и маленьким Сережей на Сиверскую, чтобы осмотреть дачу, нанятую С.Ф.-м, и предупредить о нашем

¹ Над словом приготовил сверху вставлено написал.

ⁱⁱ Фамилия Б[арбаше]ва вставлена над строкой.

переезде. Местность на Сиверской хороша, но до чего мне антипатична эта шаблонная обстановка п[етер]бургских дач! 6-го вечером была наша последняя среда, собралось 18 человек, был и Корш, с к[ото]рым мне удалось немного поговорить – о нашей гимназии, об умственном уровне теперешних студентов, о Соболевском, к[ото]рый, по словам Корша, крайне самоуверенный и резкий человек. Кстати, я передала Коршу слова С[оболевско]го, что курсистки лучше студентов, п[отому] ч[то] последние занимаются только из-под палки. Корш находит этот отзыв о студентах «весьма близким к истине» и приводит много примеров из своей профессорской практики.

Последние дни нашего пребывания в городе прошли в страшной суматохе и в сборах, так что я даже не успела просмотреть напечатанного в майской книжке «Журн[ала] Мин[истерства] народного просвещения» начала своего перевода «Риторики», да мне и страшно смотреть на него.

4 мая умерла после 6-часовой болезни (отека легких) Екатерина Андреевна Бекетова (Краснова). Она захворала еще осенью: у нее была беременность, грозившая эклампсией⁹⁴ (как у покойной вел[икой] кн[ягини] Александры Георгиевны), но эклампсию успели предупредить, умертвив плод; бедная Ек[атерина] Андр[еевна] долго хворала, но в последнее время очень поправилась и собралась 6 мая ехать в деревню. Борхсениус, видевший ее 3 мая, удивился ее сравнительно цветущему виду, а 4-го утром у нее начались судороги и к вечеру ее не стало. Очевидно, ее организм не вынес всех гинекологических невзгод, к[ото]рые на него обрушились. Мне страшно жаль покойную, и невольно приходит в голову мысль: зачем она вышла замуж? Ведь ей было уже 36¹ лет, когда она выходила замуж, а ее жениху что-то около 25⁹⁵. Она уже успела составить себе имя в литературе⁹⁶, много зарабатывала; ее жених был, сравнительно с нею, во всех отношениях мальчишка. И к чему было выходить за него?

12 мая мы переехали на дачу – без С.Ф-ча, к[ото]рый вчера, 13-го, уехал в Москву на диспут Милюкова. Как я рада, что эта поездка устроилась! Положительно, это мой point d'honneurⁱⁱ – стремиться к тому, чтобы никто не мог сказать, что С.Ф-ча угнетает семья. И С.Ф-чу так хотелось попасть в Москву: в первый раз он попадает в московский университетский мир, как член п[етер]бургского университетского мира.

В день нашего переезда на дачу шел дождь, вчера было довольно холодно, но сегодня весь день стояла прекрасная погода, так что даже маленький Сережа долго был на воздухе. Наша дача стоит на высокой и крутой горе; под горой речка, на к[ото]рой устроена лесопильня и мельница; вода у запруды постоянно шумит, и я никак не могу привыкнуть к этому неумолчному шуму.

20 мая. Среда. Вчера утром С.Ф. вернулся из Москвы и к вечеру приехал к нам. Мы ждали его целый день и уже решили, что он не приедет, как вдруг он явился совершенно неожиданно в 7 ч[асов]. Он очень доволен своей поездкой, но и очень устал от нее. В Москве он сделал много новых знакомств – с Герье, Виноградовым, Гольцевым и т.д. Самый диспут Милюкова произвел на С.Ф. тяжелое впечатление. Сам диспутант, по словам С.Ф., держался прекрасно

¹ Цифра 6 написана поверх 8.

ⁱⁱ Дело чести (фр.).

и публика во время диспута относилась к нему с большой симпатией. Но оппоненты – Ключевский и Якушкин (Янжул отказался) – не удовлетворили С.Ф.: второй был слаб, а первый бесконечно равнодушен, холоден к диспутанту, как будто это не ученик его, а человек для него совершенно посторонний. Книгу Милукова он назвал «прекрасной», но заметил, что в ней автор гораздо больше намечает, ставит вопросы, чем решает их, что, выражаясь образно, ее можно назвать счетом, предъявленным к уплате русской науке, но не уплоченным. Книга не отвечает своему заглавию, не соответствует своей теме, она дает одностороннюю картину госуд[арственного] хозяйства России, п[отому] ч[то] автор в ней совсем не касается косвенного обложения. «Но, принимая во внимание, что иногда гораздо труднее поставить вопрос, чем решить его, что, с другой стороны, гораздо легче заметить прореху, чем зашить ее» (это С.Ф. принял за намек на критическую деятельность Милукова), Кл[ючевск]ий все-таки считает книгу М[илуко]ва «прекрасной». Посторонних оппонентов не было, но диспут все-таки кончился в четверть шестого⁹⁷. С.Ф. говорит, что трудно передать его впечатления словами, но ему было бесконечно жаль Милукова и его жену, к[ото]рая присутствовала на диспуте и, по словам С.Ф., очевидно страдала. После диспута С.Ф. сказал М[илуков]у, что у него была мысль с своей докторской диссертацией приехать в Москву, ноⁱ что теперь, после его, М[илуко]ва, диспута, он ни за что в Москву не обратится⁹⁸. М[илуко]в на это только смеялся. Одеваясь в передней, С.Ф. встретился с Колей, к[ото]рый ему сказал: «Вот так отделали нашего Павла Ник[олаевича], под орех!» С.Ф. так и не понял, в каком смысле говорил Коля. На обеде у Мил[юко]ва на дому не присутствовал ни один из оппонентов, но были Герье, Виноградов, Чупров, В[севолод] Миллер, Гольцев, Мачтет и др. (Дьяконов). С.Ф.-чу пришлось произнести несколько спичейⁱⁱ, в первом из к[ото]рых он, по-моему, неосторожно употребил выражение «метафизические бредни» в приложении к попыткам западников и славянофилов объяснить с помощью германской философии ход русской истории⁹⁹. Спич приняли хорошо, но Гольцев заметил, что именами Герцена, Белинского, Грановского, в приложении к к[ото]рым С.Ф. так выразился, москвичи гордятся, молятся им. С.Ф. ответил на это разъяснением своей мысли (Киреевские, Хомяков, К[онстантин] Аксаков отчасти), но все-таки Герье ему сказал, что, если С.Ф. ближе познакомится с западниками и славянофилами, он увидит, что у них есть и нечто другое кроме того, что разумел С.Ф. Интересны речи, произнесенные Мякотиным и Мачтетом. Первый (уже пьяный) сказал, что хотя «восьмидесятники» кличка позорная, но «все мы восьмидесятники и у нас есть свои идеалы; иным эти идеалы могут показаться “бреднями” (м[ожет] б[ыть], намек на слова С.Ф.), но все-таки мы ими дорожим, у нас есть свои вожаки, один из них П[авел] Н[иколаевич], за здоровье к[ото]рого я и пью». Мил[юко]в ответил на это, что смысл речи для него очень лестен, но он против произвольного употребления терминов: ведь, по словам самого Мякотина, восьмидесятник – позорная кличка. Мачтет в своей речи сказал, что он уполномочен «простыми людьми» поблагодарить М[илуко]ва за то,

ⁱ Союз но вставлен над строкой.

ⁱⁱ Спич (от англ. speech) – речь.

что тот написал такую хорошую книгу, в к[ото]рой он раскрыл народные нужды и «развенчал тирана» (то есть Петра). Матвей Соколов потом говорил С.Ф.-чу, что Мачтет только затем всюду и ходит, чтобы говорить глупости. Интересна еще речь, произнесенная Виноградовым, о единении университетов и исчезновении провинциализма. Это было сказано им после какой-то речи Мякотина, произнесенной за другим столом, в другой комнате (что-то о разнице в направлении П[етер]бургского и Моск[овско]го ун[иверситет]ов). С.Ф. очень горячо ответил на речь В[иноградо]ва, говоря, что в П[етер]б[урге] знают и чтут моск[овски]х ученых. На это Вин[оградо]в сказал, что и они знают нашего Васильевского. Герье, прощаясь с С.Ф., пригласил его к себе, когда он еще будет в Москве. К Виноградову Мил[юко]в звал С.Ф.-ча, но это не вышло.

С.Ф. был у Зины и видел у нее Колиных близнецов, привезенных Колей в Москву по случаю болезни старшего мальчика Коки, к[ото]рую приняли было¹ за дифтерит. Девочка, по словам С.Ф., очень мила, а мальчика он не рассмотрел. Сережа произвел на С.Ф. неблагоприятное впечатление – беспорядочности и грубоватости. Меня это очень огорчает. Коля на обеде у Мил[юко]ва не был, не знаю почему.

10-го был в Москве диспут Карелина, к[ото]рому дали сразу доктора за его «Возрождение»¹⁰⁰. Корш, у к[ото]рого С.Ф. был по возвращении из Москвы, негодует на докторство Кар[ели]на, говоря, что все это дело было обделано шито-крыто. Корш очень удивляется теперешнему¹¹ отношению Ключевского к Мил[юко]ву, в к[ото]рого он, Кл[ючевск]ий, еще недавно был буквально влюблен. Кто-то в Москве рассказывал С.Ф.-чу, что, как ему достоверно известно, ссора между Ключ[евски]м и М[илокувы]м произошла из-за самых вздорных пустяков.

У Ключевского С.Ф. был, прием был очень любезный, но все-таки С.Ф. говорит, что больше не пойдет к нему: Кл[ючевск]ий, по впечатлениям С.Ф.-ча, держался так, как будто С.Ф. – полицейский агент, от к[ото]рого все нужно скрыть, но и все узнать.

Гольцев, по мнению С.Ф., шут, но не глупый человек.

С.Ф. уехал отсюда 20-го утром и вернулся поздно вечером. Сегодня он опять уехал (вместе с Кл[еопатрой] Ал[ександровной]) и вернется, вероятно, послезавтра утром. Теперь он мечтает, по окончании всех экзаменов, съездить в Псков.

Середонин получил за своего Флетчера премию от Академии наук, а С.Ф. медаль за отчет об этой книге¹⁰¹.

Сегодня годовщина смерти П[авла] Дм[итриевича] Чечулина; будет панихида на кладбище, и С.Ф. хотел быть на ней.

А Васильевский, кажется, никуда не поедет – вероятно, по неимению денег. Жаль его. Старую квартиру они оставили за собой. А мы на будущее лето собираемся к Пустошкиным.

Вчера мы с С.Ф. ходили на вокзал, чтобы увидеться с Постниковой (курсистой), уехавшей домой, в Вильно. Она говорит, что человек 10 из ее

¹ Слово было вставлено над строкой.

¹¹ Слово теперешнему вставлено над строкой.

однокурсниц еще не уехали домой – некоторые по неимению денег; и в курсовой кассе их ничего нет.

Сегодня прелестная погода, а все последние дни было холодно. Вчера вечером была гроза.

27 мая. Вчера Ниночке минуло 6 лет. Как время идет! Вчера же днем С.Ф. уехал в П[етер]бург и, может быть, придет сюда завтра. Соня с 15 мая утверждена классной дамой Покровской женской гимназии¹⁰². Слава Богу, что она наконец получает нек[ото]рую оседлость.

Недавно С.Ф. видел в университете Веселовского, к[ото]рый заговорил с ним о речах, произнесенных С.Ф.-м на обеде у Милюкова; откуда о них знает Вес[еловск]ий, неизвестно (вероятно, в П[етер]бург приехал Виноградов), но ему уже известно, что С.Ф. изобидел этими речами кое-кого из москвичей. Все это мне очень неприятно¹⁰³.

Разговор С.Ф. с Коршем.

Письмо Милюкова.

3 июня. Сегодня целый день, начиная с 12 ч[асов], не переставая идет дождь; дети не могли гулять и потому страшно капризничали, особенно Верочка. Теперь они все спят, и я так рада, что могу немного отдохнуть. Как мила бывает иногда Ниночка: сегодня, когда она уже улеглась в постельку и остальные дети уже заснули, мы с ней так хорошо разговаривали: я ей рассказывала некоторые эпизоды из «Войны и мира» и говорила ей, что, когда она вырастет, мы с ней прочтем всю эту книгу; она была в восторге. Я рада, что мне удалось поболтать с ней на сон грядущий: сегодня я несколько раз раздражалась против нееⁱ, и это меня мучило бы, если бы мы не поговорили с ней так хорошо. Я иногда ужасно боюсь сделаться раздражительной и вспыльчивой: с детьми это так легко может быть, но какое бы это горе было для меня!

30 мая. С.Ф. приезжал сюда на несколько часов с Коршем. Я немного поговорила с ним: как он тепло до сих пор вспоминает Локтеву и как до сих пор не может примириться с мыслью, что она получила серебряную медаль, а Иванова золотую. Говорили о Карееве и Трачевском. Я сказала, что мне иногда бывает жаль Кареева, на что Корш заметил, что жалеть его нечего, так как он вполне счастлив, так же, как и его супруга: он убежден, что выполняет великую миссию. Корш чрезвычайно удивился, узнав, что Кареев и Трачевский – враги и что между ними дело доходило уже до третейского суда: ведь несколько лет тому назад, говорит Корш, они вдвоем рассылали по всей России «прокламации», извещая о своем намерении издавать по выпускам всемирную историю и тем убить Ранке¹⁰⁴. При этом Трачевский брал на себя эпоху доисторическую и XIX век (после Венского конгресса¹⁰⁵). Впрочем, ведь хотел же он эту зиму читать в Соляном Городке два курса: о Наполеоне и о Вавилоне, но желающих слушать эти курсы, кажется, не нашлось. Вообще, удивительно широкий размах у этого Тр[ачевско]го. Говорят, емуⁱⁱ дали пенсию, с тем чтобы он больше не читал лекций, а ему все не терпится.

Вечером, когда я укладывала спать детей, С.Ф. и Корш ходили к барону Розену, живущему здесь на даче, но не застали его дома; потом он пришел

ⁱ Слово меня исправлено на нее.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто выхлопотали.

к нам, и я с интересом его наблюдала. Признаюсь, я заранее была против него предубеждена: года полтора тому назад Вас[илий] Гр[игорьевич] Дружинин передал С.Ф-чу, что Розен тоном осуждения говорил о С.Ф-че: как не стыдно Платонову, нахватавшему отовсюду и везде себе занятий, брать еще с Васильевского какие-то 50 рублей в месяц, ведь Вас[ильевско]му и так трудно. – Эти 50 рублей в месяц, из к[ото]рых добрую половину С.Ф-ч отдает своему корректору за чтение корректур, достаются С.Ф-чу тяжелым трудом: он несет на себе такую львиную часть дела по журналу, что Вас[ильевско]му, по его собственному признанию, почти и делать нечего. Все, кто ближе знает распределение труда и вознаграждения по журналу между Вас[ильевским] и С.Ф-м, удивляются неравномерности этого распределения, и вдруг этот упрек Розена по адресу С.Ф-ча, у к[ото]рого на плечах семья не меньше, чем у Вас[ильевско]го! Признаюсь, я не могу относиться спокойно к подобным вещам, тем более, когда я вспомню, что Розен – учитель С[ергея] Ф[едоровича] Ольденбурга, к[ото]рого он очень любит и с к[ото]рым близок¹: люди кружка Ольденбурга и Гревса так легко осуждают других, взводя на них более или менее тяжелые обвинения (по словам Л[ео니다] Н[иколаевича] Майкова, нек[ото]рые из них в этом отношении доходят до крайности), что и это обвинение, быть может, явилось с той же стороны.

Вчера, гуляя с С.Ф. по лесу, мы много говорили об этом кружке, об Ольденбурге, Гревсе и Лаппо-Данилевском. Я всегда с чувством грусти и обиды думаю думаюⁱⁱ о них, особенно о Лаппо-Дан[илевск]ом: какие хорошие отношения были у нас с ним раньше и как он теперь порвал их, без всякого повода с нашей стороны. По отношению к нему, как и по отношению к Милюкову, меня всегда мучит вопрос о том, насколько они искренни, могут ли они кривить душойⁱⁱⁱ. Степанов прямо говорит, что, как он убедился, Л[аппо]-Дан[илевск]ий способен говорить здесь одно, там нечто другое, противоположное первому, – и потому не выносит его. И С.Ф. думает, что нравственное мировоззрение Л[аппо]-Дан[илевско]го отличается нек[ото]рою гибкостью: например, я помню, что у нас он, по-видимому, сочувствовал ироническому отношению к лекциям, читанным на курсах покойным Клейбером о книгах, к[ото]рые необходимо прочесть каждому истинно образованному человеку¹⁰⁶, – а в своем кружке, как нам передавал Степанов, смеялся над нашим отношением к этим лекциям. Неужели же он в самом деле человек неискренний? А Милюков? В одном случае С.Ф. изволил его на противоречии самому себе: Васильевский спросил Мил[юко]ва, как отнеслись в Москве к докторству Бубнова. Мил[юко]в ответил, что вообще отнеслись несочувственно, но что лично он сочувствует. А между тем С.Ф-чу он говорил, что совсем не сочувствует этому докторству. Меня вообще очень мучит вопрос о том, насколько Мил[юко]ву можно верить. После его диспута С.Ф., возмущенный отношением к нему Ключевского, сказал М[илюко]ву, что намерен, не ручаясь, впрочем, за успех, заговорить в П[етер]бургском университете о почетном докторстве для М[илюко]ва, когда он напечатает свою историографию¹⁰⁷. По возвращении сюда С.Ф. получил от него письмо с изъяснением самых дружеских чувств: он-де никак не ожидал,

¹ Фраза подчеркнута карандашом и выделена карандашной линией на левом поле.

ⁱⁱ Так в рукописи.

ⁱⁱⁱ Абзац со слов Вчера, гуляя с С.Ф. до слов кривить душой выделен карандашной линией на правом поле.

что его диспут еще более скрепит их дружбу и т.д.; вместе с тем М[илиюко]в много говорит о том, когда лучше поднять вопрос о его докторстве, спешить ли с печатанием историографии или, напротив, подождать с ним и т.д.¹⁰⁸ Так вот, по поводу этого письма, меня все это время мучит мысль, неⁱ потому ли М[илиюко]в так много говорит о своих дружеских чувствах к С.Ф-чу, что ему уж очень хочется получить докторство? Может быть, в сущности он, как и многие москвичи либерального лагеря, остался недоволен речами С.Ф-ча за его обедом? Может быть, он, написав такое дружеское письмо С.Ф-чу, в тот же день не затруднился в каком-нибудь кружке обругать С.Ф-ча, назвать его восьмидесятником? Господи, если бы можно было знать это!

9 июня. Сегодня наконец совсем летняя погода. А все это время было так ненастно и холодно, что мы ежедневно топили печи. Сегодня жду из города С.Ф-ча, к[ото]рый уехал туда вчера. Теперь он, вероятно, каждую неделю будет уезжать вⁱⁱ понедельник и возвращаться во вторник.

Недавно С.Ф. слышал в П[етер]бурге две печальные новости – об Анненском и о Бубнове. Первый сошелся в Киеве с помощником попечителя, своим товарищем по университету¹⁰⁹, и с попечителем Вельяминовым-Зерновым и очень дурно держит себя в Коллегии П[авла] Галагана: допускает к себе учителей только по докладу, хотя его кабинет рядом с учительской, летом на даче совершенно присваивает себе лошадей, предоставленных Коллегии, и никогда не позволяет ученикам пользоваться ими. Ученики терпеть его не могут и всячески избегают встреч с ним. Учителя также его не любят. Вдова Галаган не хочет, чтобы он оставался директором, и уже ходил слух, что Анненский переходит окружным инспектором в Варшаву вместе с Вел[ьяминовым]-Зерновым¹¹⁰. Кто мог ожидать всего этого? Цветковский, к[ото]рый сам рекомендовал на это место Анненского, теперь говорит о нем с пеной у рта. По его мнению, корень зла заключается 1) в близости Анненского к Округу, 2) в влиянии его жены, особы с большими претензиями. Она, действительно, пренеприятная особа, но я никак все-таки не предполагала, что она в таком направлении и в такой мере может влиять на мужа.

Новость о Бубнове такого рода: ходят слухи, будто его вступительная лекция в Киевском ун[иверсите]те есть не что иное, как почти дословный перевод предисловия к одному франц[узскому] сочинению¹¹¹. Если это правда, как это грустно.

Недавно я получила письмо от мамы¹¹²: она уехала из Вереи и хочет поехать к Володе. Пишет она, что Зина очень обиделась, что С.Ф. только один раз был у нее. Так мне это неприятно! Иⁱⁱⁱ

25 июня. Четверг^{iv}. Сегодня С.Ф. опять уехал в П[етер]бург, откуда вернулся третьего дня. Дает-таки себя чувствовать журнал: наступают последние числа месяца, книжка запаздывает, благодаря неаккуратности Ернштедта, к[ото]рый по две недели держит корректуры, не читая их; Вас[ильевск]ий на целый месяц уехал в деревню – и вот бедный С.Ф. должен работать за всех: сидеть в городе, читать наспех корректуры, сердиться и волноваться – и все

ⁱ Далее зачеркнуто для то.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто вторник.

ⁱⁱⁱ Оставлено пять пустых строк для записей.

^{iv} Слово Четверг вставлено над строкой.

это из-за халатности В[асильевско]го и лености Ерн[ште]дта. Недавно, гуляя, мы опять говорили с С.Ф. о журнале: нет, я не благодарю Майкова за то, что он рекомендовал С.Ф. на место помощника редактора: это берет очень много времени и, что главное, портит много крови, не доставляя в то же время никакого удовлетворения душевного. И боюсь я, как бы эта редакция не затянула докторской диссертации С.Ф-ча. В последнее время тема ее окончательно выяснилась для него, и теперь нужно бы сесть за работу, да журнал мешает.

А холера надвигается с Юга; мы уже думали с С.Ф-м, как хорошо, что не устроилась в этом году поездка к Пуст[ошкины]м: ведь холера уже в Саратове¹¹³, а это совсем недалеко от них. Какой-то досужий счетчик высчитал, что она распространяется с быстротой товарного поезда.

А я все не поспеваю справляться со всеми своими работами: «Риторикой», Voissier и шитьем.

С 15-го по 23-е у нас гостила М[ария] Ал[ександровна] Спредова; ей здесь очень понравилось. 11-го С.Ф. ездил вместе с С[ергеем] Мих[айловичем] Середониным во Псков, откуда вернулся 12-го. Город ему очень понравился, он нашел в нем много интересных памятников древности. Приглашает он меня поехать с ним еще раз во Псков, но я отказываюсь, так как не могу ехать без грудного Сережи и Катерины, а это слишком сложно.

17 июня я ездила с С.Ф., Сережей и Катериной в П[етер]бург смотреть квартиру, к[ото]рую мы и наняли; она очень хороша: комнаты высокие и светлые, но цена ее – 1386 рублей – совсем меня ужасает. Впрочем, мы и не можем найти более дешевой квартиры: четверо детей, я с С.Ф., Кл[еопатра] Ал[ександровна] и няня, четыре прислуги – разместить с удобством такую семью нелегко.

29 июня. Сегодня вечером С.Ф. уехал в П[етер]бург, откуда вернется послезавтра. Сегодня хорошая погода, поэтому дети целый день гуляли. Ночью у нас был переполох: Катерина, вероятно, напуганная толками о холере, ночью почувствовала себя дурно и, кажется, вообразила, что у нее холера; со сна я испугалась ужасно, но потом все обошлось благополучно.

Сегодня был у нас Зелинский с маленьким сыном и очень приглашал к себе. Я его в первый раз видела и не могу сказать, чтобы он мне особенно понравился. Он очень любезен, нужно будет к нему пойти.

Эти дни я читала в «Вестн[ике] Евр[опы]» статью Герье о Франциске Ассизском, апостоле любви и нищенства¹¹⁴: он воплотил в себе человеческую сторону Христа, его бесконечную любовь к человеку, а его современник папа Иннокентий III – другую идею: идею царства Христова на земле, господства церкви над государством.

В «Revue des deux mondes» я прочла статью какого-то Varine'a – «Les bourgeois d'autrefois»¹¹⁵ – о родителях Гете: как симпатична его мать и каким бездушным эгоистом и угодливым придворным представляется сам он!¹¹⁵ Эти дни у меня, из-за журналов, совсем приостановилось чтение Voissier; теперь хочу опять за него приняться.

2 июля. Ламанский. Булич и Фирсов. Ламанский в начале июня вдруг почувствовал себя очень плохо: слабость, упадок сил. 1 июня, в это роковое

¹ Далее зачеркнуто Псков.

¹¹⁵ «Буржуа прежних времен» (фр.).

для факультета число, он начал было уже совсем готовиться к смерти. У Васильевского, да и у самого Лам[анско]го явилась мысль о необходимости для последнего поехать за границу, но откуда взять денег? Л[аманск]ий поехал к ректору, к[ото]рый был очень любезен, но заявил, что факультетские заседания кончились и что денег достать нельзя¹⁶. Л[аманск]ий обиделся. Тогда Вас[ильевск]ий поехал к министру, причем в разговоре с ним ввернул, что Л[аманск]ий болен и потому не может сам приехать. (Л[аманск]ий всегда был в оппозиции по отношению к министерству). Министр, конечно, понял, что болезнь – предлог, и сказал, что не нужно ему визита Влад[имира] Ив[ановича]. Из министерства Л[аманско]му назначили 300 рублей, но на это, конечно, за границу не съездишь. Тогда¹ за дело взялся Пом[яловск]ий, великий делец по этой части; в результате из университета Л[аманско]му выдали 1000 рублей и он уехал через Москву и Смоленск в Прагу и Гаштейн¹⁷, куда так и не попал это лето Вас[ильевск]ий, может быть, из-за шкапов и другой рухляди, к[ото]рую в изобилии покупает его жена, тратя на это большие деньги. С.Ф. находит, что не похвально со стороны Л[аманско]го стремиться получить деньги на поездку за границу из министерства, к к[ото]рому он так дурно относится, что это все равно что пить из колодца, в к[ото]рый сам наплевал. Я не отношусь к этому так резко: старик поработал на своем веку, устал, ему не грех на казенные деньги съездить полечиться. Но зачем же некоторым образом подсылать Вас[ильевско]го в министерство и негодовать, что оттуда ему мало назначили?

Недавно к С.Ф.-чу, а затем и к Васил[ьевско]му являлся молодой Булич, сын старика Булича, заслуженного профессора Казанского ун[иверсите]та, и просил поместить в «Журн[ал] Мин[истерства народного просвещения]» его возражения против статьи молодого Фирсова, помещенной в каком-то казанском издании и недостойно затрагивающей старика Булича¹⁸: сын хочет вступить за отца. Вас[ильевск]ий отказался поместить в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]» его статью и посоветовал ему адресоваться с ней в то издание, где была напечатана статья Фирсова-сына. На это Булич заявил, что это издание не примет его статьи, п[отому] ч[то] редактором его состоит Фирсов-отец. Господи, и это университетские нравы! С.Ф. говорит, что, судя по тем выдержкам из статьи Фирсова-сына, к[ото]рые читал ему Булич, эта статья – верх безобразия, что она заключает в себе просто инсинуации со стороны молодого человека по адресу старика, кажется, ничем этого не заслужившего.

С.Ф. это лето замещает Кулина, уехавшего лечиться в Друскеники¹⁹, и потому каждый вторник бывает на курсах, где встречает, между прочим, чиновника Археогр[афической] комиссии Ежова, работающего в канцелярии курсов. Недавно этот Ежов горько жаловался на Бычкова: этот Ежов – много-семейный и бедный человек; при прежнем председателе (Титове) ему ежегодно выдавалось весной пособие в 100 рублей – «на воспитание детей». В этом году, когда Майков заговорил об этом с Бычковым, последний наотрез отказал, сказав: кто же виноват, что у него много детей? И даже не велел докладывать об этом деле в заседании Арх[еографической] ком[иссии]. А между

¹ Далее зачеркнуто взялся.

тем, по словам Ежова, тот же Бычков и Тимофеев, перед самой смертью Титова, отправили ему в Крым бумагу, по к[ото]рой им обоим за какие-то якобы сделанные для Арх[еографической] ком[иссии] работы следовало получить Т[имофее]ву 600ⁱ рублей, а Бычкову 300 рублей. Титов подписал, и оба они, ни за что, получили эти деньги. Слушая все подобные рассказы, я иногда думаю, не изобразить ли мне в каком-нибудь литературном произведении эту закулисную сторону ученого и профессорского мира¹²⁰.

4 июля мы с С.Ф. были у Зелинских, а 10-го они с детьми были у нас; она мне очень нравится.

Сегодня С.Ф. и Кл[еопатра] Ал[ександровна] уехали в П[етер]бург, с тем чтобы 15-го переехать на новую квартиру. Сначала меня очень огорчило, что отъезд Кл[еопатры] Ал[ександровны] лишает меня возможности поехать в П[етер]бург, но теперь мне все равно.

5-го у нас в гостях были Середонин, Степанов и Тураев. Последний, по видимому, интересный и почтенный человек, но он ужасно смущается.

А иногда мне положительно бывает приятно остаться одной: наедине многое вспомнишь и обо многом передумаешь. Огорчает меня, что я так мало успеваю заниматься это лето.

А холера уже в Нижнем. Не могу сказать, чтобы я ее боялась, а все таки как то жутко – за всех.

30 июля. Волконский и Уч[еный] ком[итет] – Олсуфьев и Клейншмидт.

31 июля. Весною С.Ф. получил из Уч[еного] ком[итета] книгу некоего немца – Клейншмидта – «Русская история, изображенная в истории ее главнейших боярских и дворянских родов»¹²¹. Мы с С.Ф. долго ломали себе голову над вопросом, для чего эта книга представлена в Уч[еный] ком[итет], и не могли этого понять. В этой книге пропасть фактического и анекдотического скабрзногоⁱⁱ материала, но никакой ценности с точки зрения науки она не представляет. В этом смысле С.Ф. написал о ней отчет¹²². Недавно он узнал, что эта книга представлена в Уч[еный] ком[итет] гр[афом] Ал[ексеем] В[асильевичем] Олсуфьевым, к[ото]рый, заявляя, что Клейншмидт давно и усердно занимается русской ист[орией], ходатайствовал о пожаловании ему за это русского ордена. Аничков, на основании отчета С.Ф-ча, нашел, что нет никакого основания давать орден Кл[ейншми]дту. Тем дело и кончилось.

Еще одна интересная история в Уч[еном] ком[итете]: Волконский представил туда книжку стихотворений какой-то дамы, фамилию к[ото]рой С.Ф. забыл. Слепцов, член Уч[еного] ком[итета], дал отзыв, что нет основания одобрить ее для библиотек ср[едних] уч[ебных] заведений. Волконский, недовольный этим, вторично прислал эту книжку для рассмотрения. Тогда Слепцов написал обстоятельный разбор, в к[ото]ром показал, что никакими достоинствами эта книжка не обладает, что если рекомендовать для библиотек ее, то нужно и подавноⁱⁱⁱ рекомендовать Надсона, Фруга, Фофанова и др., а между тем этих современных нам поэтов рекомендовать не принято. Волк[онск]ий остался недоволен такой резолюцией Уч[еного] ком[итета]

ⁱ Число 500 карандашом исправлено на 600.

ⁱⁱ Слово скабрзного вставлено над строкой.

ⁱⁱⁱ Слова и подавно вписаны на правом поле.

и своей властью постановил «одобрить книжкуⁱ, ввиду звучности стиха, религиозности и патриотичности автора». Так это и будет напечатано в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]», отдельно от книг, рекомендованных и одобренных Уч[еным] ком[итетом]¹²³. С.Ф. говорит, что подобные казусы не редкость в практике Уч[еного] ком[итета]. Хорош, нечего сказать, Волк[онский]!

28 июля, во вторник, на курсы явилась комитетская дама М[ада]ме Нечаева и заявила С.Ф.-чу, что Комитет хочет напечатать в газетах объявление о том, чтобы в интернат приезжали не раньше 1 сентября ввиду холеры, что она уже была в Округе, что Лаврентьев одобрил и подписал это заявление и что печать Округа к нему приложена – так что С.Ф. об этом думает? С.Ф. заявил, что так как Кулин – начальника института, то, по мнению С.Ф.-ча, печатать такое заявление, не списавшись с Кулиным, неловко. Тогда Нечаева сказала, что Кулину она напишет, но заявление напечатает, не ожидая от Кулина ответа. Так она и сделала¹²⁴. С.Ф. думает, что Кулин будет этим недоволен, но, по-моему, все это – такие мелочи, на которые не стоит обращать внимания: и без того в отношениях Комитета к Кулину так силен элемент личного самолюбия отдельных лиц, что Кулину приходится трудно: лучше игнорировать мелочи, чтобы делать по-своему в более важных случаях.

Завтра С.Ф. хочет съездить к С[ергею] Мих[айловичу], а я с детьми, если позволит погода, побываю у Зелинских.

Сегодня я кончила «La Débâcle»¹²⁵; впечатление потрясающее. Если этот роман так затрагивает нас, русских, совершенно непричастных описываемым в нем событиям, то что должно чувствовать при чтении его французы? Недавно я прочла в «Revue des deux mondes» статью Вогюэ¹²⁶, к[ото]рый называет этот роман «ce livre douloureux»ⁱⁱ, и с ужасом думаю, неужели настанет когда-нибудь час, когда Франция захочет получить от Пруссии реванш за 1870-й? Это было бы чудесно ужасно. В «Débâcle»^e говорится, что война – закон жизни, мировой закон, но я этому не верю и не хочу верить.

С.Ф. уже спит, а мне как-то не хочется ложиться. Вчера я получила письмо от Зины из Богородска¹²⁷: у нее уже была холерина¹²⁸; страшно за нее. Ефр[ем] Вас[ильевич] из Давыдовки пишет, что у них пока заболеваний нет, но вокруг везде холера. Тат[ьяна] Вл[адимировна] и Даша, спасаясь от эпидемии, уехали в Москву, а Надя, кажется, хочет ехать в Давыдовку, где теперь, кроме Ефр[ема] Вас[ильевича], Варя с мужем.

Майковы. – Докторство Карелина и магистерство Милокова (письмо Коли¹²⁹).

Женитьба Рихтера и Капустина.

Письмо Беляева к Васильевскому.

10 августа. К нашей общей радости август стоит сравнительно прекрасный: воздух довольно прохладный, но зато дни солнечные. Дети целый день гуляют, мне совсем не приходится читать им и заниматься с Ниночкой; ну, да успею зимой; пусть теперь погуляют.

5-го был у нас Дьяконов; его старшиеⁱⁱⁱ дети в коклюше, и теперь все их усилия направлены на то, чтобы уберечь от коклюша младшую девочку

ⁱ Слово книжку написано поверх зачеркнутого стихотворения.

ⁱⁱ «Эта скорбная книга» (фр.).

ⁱⁱⁱ Слово старшие вставлено над строкой.

(с пороком сердца)ⁱ, к[ото]рая может поплатиться жизнью, если заразится, то есть может мгновенно умереть во время припадка кашля.

Дьяк[оно]в говорил о Шмурло, к[ото]рый в Дерпте не произвел хорошего впечатления. Прежде всего в нем неприятно то, что он не пристал ни к одному из двух ясно обозначившихся течений вⁱⁱ русской части дерптского общества – ни к Висковатовскому, ни к не-Висковатовскому¹³⁰, а постоянно мелькает и здесь, и там. Затем он окончательно погубил свою репутацию своей публичной лекцией на тему «Москва – третий Рим», в конце к[ото]рой высказал пожелание, чтобы скорей православный крест воссиял на Святой Софии¹³¹. На эту лекцию сейчас же явилось несколько карикатур. – И Ал[ександра] Ник[олае]вна не пользуется в Дерпте особенными симпатиями: многими замечена ее привычка сильно фантазировать (попросту – привирать) в своих разговорах. Теперь она у родных Евг[ения] Фр[анцевича] в Челябинске.

25 июля С.Ф., Тураев с своим приятелем и Зелинский ходили пешком в Рожествино, бывшее имение царевича Ал[ексея] Петровича; памятников древности там сохранилось мало¹³³.

25-го же у нас был Влад[имир] Влад[имирович] Майков, а 26-го еще три Майкова: Ап[оллон] Ник[олаевич], его двоюродный брат и Леон[ид] Ник[олаевич]. Первые два скоро ушли, а последний посидел довольно долго; он в сентябре собирается в Москву – работать над Пушкиным¹³⁴. Говорил он, что Бестужев, судя по письмам, здоров и бодр. Меня самое удивляет, что я это лето как-то совсем забываю про Бест[ужева], не пишу ему, а прежде всегда писала; я чувствую, что мое отношение к нему изменилось под влиянием его отношения (как я глубоко убеждена – недоброжелательного) к С.Ф-чу; прежде я могла говорить с ним о самых задушевных вопросах, смотрела на него отчасти как на «учителя жизни», а теперь этого совсем нет. Меня особенно обижает не недостаток сочувствия Бест[уже]ва к С.Ф. (с этим я бы могла примириться: ведь люди бывают разные, и два хорошие человека разных натур, наклонностей и вкусов могут и не сходиться друг с другом, оставаясь каждый хорошим человеком в своем роде), – а то, что, как я глубоко убеждена, Бест[уже]в никак не может простить С.Ф-чу именно тогоⁱⁱⁱ, что он обогнал его учеников, его Herzenskinder^{iv}, Козеко и Шмурло, и занял кафедру в П[етер]бургском ун[иверсите]те, преградив дорогу Шмурло. Мне и больно, и обидно, что Б[естуже]в может быть так пристрастен.

2 августа был у нас учитель I гимн[азии] Кондратьев и рассказывал интересные новости из педагогического мира: директор I реального училища Рихтер, 70-летний старик, вышел недавно в отставку, выслужив все сроки, и женился на 20-летней дочери швейцара училища. Оказывается, что он давно овдовел, но имел детей от своей прислуги «Саша», к[ото]рая теперь, неожиданно для всех, уступила место дочери швейцара. И полечитель Капустин, говорят, недавно^v вступил в такой же брак с кем-то вроде «Матреша», овдовев и получив наследство после жены, к[ото]рая постоянно жила за границей. Вот отличаются старики!

ⁱ Слово сердца вставлено над строкой.

ⁱⁱ Предлог в вставлен над строкой.

ⁱⁱⁱ Слова именно того вставлены над строкой.

^{iv} Сердечная привязанность (нем.; дословно: детские сердца).

^v Слово недавно вставлено над строкой.

Интересная история происходит теперь в редакции: Вас[ильевск]ий не приехал к 1-му числу, не предупредил об этом заранее и не уполномочил С.Ф-ча произвести расценку гонорара. Дм[итрий] Ив[анович] Георг[иевск]ий самовольно произвел ее сам, причем сильно напутал. Боясь холеры, какⁱ Вас[ильевск]ий написал, он долго не приедет в П[етер]бург, состав сент[ябрьской] книжки, по его мнению, выясняется сам собой, но у С.Ф. не все нужные оригиналы, так что печатание книжки идет медленно. С.Ф. до нек[о]т[о]рой степени махнул на это рукой: все равно ничего не поделаешьⁱⁱ.

27 августа. – 24-го сюда приехала Соня вместе с М[арией] А[лександровной] Спредовой. Соня должна явиться в гимназию 5-го, а до тех пор пробудет здесь.

Завтра уезжает с дачи Розен, в воскресенье (30-го) – Зелинские. Мы будем здесь, вероятно, до 3-го. Вас[ильевск]ий наконец приехал на несколько дней в город, сделал распоряжения и опять уехал в деревню. Он советует С.Ф-чу послать в Казань Беляеву, декану ист[орико]-фил[ологического] факультета, копию с бумаги, написанной С.Ф-м по поручению министра, по делу о столкновении между Корсаковым и молодым Фирсовым из-за программы последнего: С.Ф. признал за Корс[аковы]м право до нек[ото]рой степени контролировать преподавание Фирсовым русской истории в унив[ерсите]те не потому, что он признает нужным подчинить преподавание всех приват-доцентов вообще контролю профессора, а только потому, что Фирсов – ученик Корс[ако]ва, много лет занимавшийся под его руководством. Очевидно, в Казани произвел большое впечатление тот факт, что С.Ф. в этом деле высказался в пользу Корс[ако]ва: Беляев писал Вас[ильевско]му, выражая по этому поводу свое недоумение¹³⁵, а Фирсов горько жаловался на свою судьбу Ми[люков]у, к[ото]рый в письме сообщил это С.Ф-чу¹³⁶. Непременно нужно С.Ф-чу разъяснить все дело Казанскому факультету, а то, наверно, найдутся люди, к[ото]рые скажут, что С.Ф. потому стал на сторону Корс[ако]ва, что желает подчинить своему контролю преподавание всех пр[иват]-доцентов по русской истории в П[етер]бургском ун[иверсите]те.

Сейчас у нас с Соней шел разговор о Колиной семье; то, что она говорит, очень меня взволновало и расстроило: по ее мнению, там дело близко к разрыву: Елиз[авета] Людв[иговна] тяготится детьми и стесненным материальным положением; Коля же по-прежнему привязан к ней и страстно любит детей. Как жаль его!

Ал[ександр] Ив[анович] Георгиевский чем-то занят и потому предложил Уч[еному] комитету последовать примеру других учреждений и отложить занятия до 15 сентября.

Недавно С.Ф. получил от Ник[олая] Дм[итриевича] Чечулина письмо с тяжелыми известиями: Ник[олай] Дм[итриевич] все лето хворал, поехал в Киев полечиться и там узнал от доктора, что у него siphilis levisⁱⁱⁱ, что он каким-то образом заразился через горло, где у него образовалась уже рана. Можно себе представить его ужас! Впрочем, доктор подает ему полную надежду на выздоровление¹³⁷.

ⁱ Слово как вставлено над строкой.

ⁱⁱ Лаешь дописано на левом поле.

ⁱⁱⁱ Правильно: syphilis levis (лат.) – сифилис скользкий.

19 сентября. С 3-го числа мы в городе; все постепенно входит в норму, а теперь, после 17-го, авось, и совсем пойдет правильным ходом. 16-го, в среду, у нас был Aumontⁱ, приват-доцент (chargé de coursⁱⁱ) Лилльского университета по русской литературе и русск[ому] языку. Он – молодой человек, путешествует по России с женой; они были в Киеве, Курской губ[ернии], Москве, Нижнем. Сам он говорит по-русски, его жена – почти ничего; вчера днем они были у нас с визитом; оба они – очень симпатичные люди. Она удивилась, узнав, что у меня четыре прислуги, и сказала, что во Франции это бывает очень редко; у ее матери было 6 человек детей и никогда не было больше двух служанок. M[ada]me Aumont – дочь Рамбо.

Вчера был молебен на курсах. С.Ф. в ужасе от Введенского: у него совершенно большой вид; он ходит с палкой, одна нога его плохо действует; он похудел, кожа стала дряблой. С.Ф. думает, что у него развивается сухотка спинного мозга¹³⁸, что его болезнь есть, быть может, следствие частого употребления вина при сильной нервности; мне же кажется, что он просто переутомился: после смерти Владиславлева¹³⁹ он читал философию положительно во всех высших учебных заведениях П[етер]бурга; как он сам рассказывал, ему приходилось иногда в один и тот же день читать три раза одну и ту же лекцию. Страшно подумать, что такой талантливый и, с виду, по крайней мере, такой здоровый молодой человек в несколько лет мог превратиться в такую развалину!

Недавно у Васильевского был, проездом в Москву, П[авел] Гавр[илович] Виноградов и, между прочим, сообщил, что, по его мнению, учебник К[онстантина] Ал[ексеевича] Иванова есть несомненный шаг вперед, но что он неравномерен в своих частях, что К[онстантин] Ал[ексеевич], как не-специалист, зависел от тех пособий, к[ото]рые избирал для той или другой части своего курса, – наконец, что он, В[иноградо]в, уже написал учебник по древней истории и пишет учебник по средней истории¹⁴⁰. Не понимаю, как мог В[иноградо]в, никогда не дававший уроков, придти к мысли написать учебник; по ядовитому замечанию Вас[ильевско]го, он «капиталу захотел». Степанов сегодня передавал нам, что В[иноградо]в, чтобы лучше написать учебник, в первый раз в жизни принялся за преподавание истории в среднем уч[ебном] заведении, взял уроки в IV кл[ассе] какой-то женской гимназии¹⁴¹ (интересно бы знать – какой?). Вот неожиданная и опасная конкуренция для Конст[антина] Ал[ексеевича]!

Говорят, Бестужев приехал, но мы его еще не видели.

Соне пока нравится гимназия, в к[ото]рой она служит.

С.Ф. получил сегодня приглашение из Академии наук присутствовать 25 сентября при чтении отчета о присуждении Уваровских премий, но в этот же день он должен читать на курсах о преподав[ан]ии Сергии (500-летний юбилей)¹⁴².

17-го у нас была Ек[атерина] Ив[ановна] Максимова, к[ото]рая провела лето в Крыму. Говорят, у бедного Кондакова чахотка.

Копию с бумаги, написанной С.Ф-м по делу Фирсова, Вас[ильевск]ий послал Беляеву, написав ему, что копию эту С.Ф-ч сообщил ему конфиденциально и что он, Вас[ильевск]ий, посылает ее в Казань тайно от С.Ф.

ⁱ Подчеркнуто карандашом.

ⁱⁱ Доцент, преподаватель (фр.).

27 сентября. Наши французы – Наумант с женой – уехали 25-го. Они – очень милые люди, но, по правде сказать, я решительно не заметила в них превосходства культуры, о к[ото]ром толкуют С.Ф. и Степанов.

Сегодня у нас были Ивановы с Женей и Борей. Жаль их: К[онстантин] Ал[ексеевич] смотрит каким-то утомленным и подавленным; маленький Вячеслав постоянно хворает. К[онстантин] Ал[ексеевич] говорил С.Ф.-чу, что уроки стали его до такой степени тяготить, что он даже хочет просить Округ избавить его от них. Хорошо бы было ему получить место инспектора или директора, но тут, кажется, помехой служит то обстоятельство, что он не классик.

Вчера мы были у Ламанских: масса народу, духота, беспорядок в отношении хозяйства. Третьего дня в «Нов[ом] вр[емени]» вдруг появилось известие, что Ламанский опасно захворал¹⁴³; вчера Ламанский заявил печатно, в «Новом» же «вр[емени]», что он совершенно здоров¹⁴⁴, но тем не менее у них третьего дня перебивало множество посетителей.

С.Ф. недавно слышал, кажется, от Середонина о новом министре путей сообщения – Кривошеине¹⁴⁵: говорят, он совершенный идиот; принимая директоров частных железных дорог, он заявил, что главное назначение русских жел[езных] дорог – это быть всегда в таком состоянии, чтобы императорский поезд мог беспрепятственно следовать по ним¹⁴⁶. – А дядя Чечулина – Н[иколай] П[етрович] Петров – назначен-таки товарищем министра путей сообщения, а ведь ходили слухи, что он свернул себе шею, в смысле карьеры.

2 октября. Завтра уже месяц, как мы вернулись с дачи, и что же я делала весь этот месяц? Ровно ничего, только возилась с детьми. Когда я это соображаю, на меня просто тоска находит, но я стараюсь не поддаваться такому настроению, так как приписываю его отчасти утомлению: третьего дня наша Устинья, к[ото]рой муж не выслал из деревни паспорта, уехала в деревню, рассчитывая получить паспорт и вернуться обратно; пока у меня за кухарку Маша, так что мне приходится много возиться с детьми; я утомляюсь, и от этого, как всегда, является пессимистическое настроение.

Вчера С.Ф. был на обеде в Петр[овском] училище; встретился он там, между прочим, с свящ[енником] Образцовым, к[ото]рый горячо благодарил его за своего сына, так называемого «Мишу Образцова», державшего в мае государственный экзамен: сын-де всегда видел в С.Ф. на экзаменах своего печальника и заступника. А этого «Мишу» еще в последнюю среду вспоминал Рождественский, его товарищ по гимназии¹⁴⁷, к[ото]рому этот Миша писал во время экзаменов отчаянные письма в Москву¹⁴⁸: по его собственным словам, его погубили «председатель (то есть Корш) и проклятая Босния»; он провалился у Ламанского, заявив, что Босния населена поляками; нек[ото]рые уверяют, будто он даже не умел сказать, где Босния. Ламанский сказал ему, что, если он выдержит остальные экзамены, он, Лам[анск]ий, его переэкзаменует; так[им] обр[азом], бедняга все время висел на волоске, но выдержал все остальные экзамены, тогда Лам[анск]ий пропустил его, не переэкзаменовывая. Слушая все подобные рассказы, я всегда думаю: какая жестокая вещь эти государственные экзамены, при том условии, что профессора не только не всегда выполняют программу, но даже иногда отказываются указывать пособия, по к[ото]рым можно готовиться к экзамену (напр[имер] Ламанский).

Образцов-отец рассказывал С.Ф-чу о том, как дурно поставил себя в Фил[ологическом] инст[иту]те Лаппо-Данилевский; его там не любят; особенно восстановил он против себя своим отказом прочесть о Сергии по случаю 500-летнейⁱ годовщины со времени его кончины. Я не понимаю, что заставило его отказаться. Затем недавно Форстен передавал С.Ф-чу, что студенты ун[иверсите]таⁱⁱ недовольны отношением Лаппо-Дан[илевско]го к ним: они-де не встречают в нем приветия, участия и совета и говорят, что отношение к ним С.Ф-ча и Л[аппо]-Дан[илевско]го – небо и земля. Какой он странный человек! В нем всегда была эта внешняяⁱⁱⁱ грубость и неотесанность, к[ото]рые многих от него отталкивали, но я всегда думала, отчасти и теперь продолжаю думать, что он в сущности гораздо лучше, чем кажется; я думала, что, женившись¹⁴⁹, он изменится, что женское влияние смягчит его, но пока этого не заметно. Может быть, в унив[ерсите]те он считает себя несколько обиженным: в прошлом году он читал свой курс¹⁵⁰ (по общим отзывам, очень интересный и ценный) при двух слушателях: Преснякове и Куманине; это, конечно, может привести в отчаяние. И отчего у него так мало слушателей, я совсем не понимаю. Сегодня первое в этом учебном году собрание историков у Вас[илия] Гр[игорьевича]. Интересно, будет ли там Л[аппо]-Дан[илевский].

Неприятная история произошла в интернате при курсах: В[арвара] П[авловна] Веселовская, назойливая и глупая инспектриса интерната, предложила интернаткам взять составленные попечительным советом правила для интернатов и расписаться: обязуюсь исполнять. Слуш[ательница] IV курса Обломиевская в ответ на это разорвала предложенные ей правила. Скандал вышел ужасный. Кулин созвал 30-го, в среду, совет (профессоров, и то не всех, одного словесного отделения), но оказалось, что устав курсов¹⁵¹ не предусматривает подобного казуса и что неизвестно, может ли совет решать дело. На другой день Кулин велел Обл[омиевск]ой взять свои документы и не посещать больше курсов. Между слушательницами произошло волнение, они решили все вместе просить Кулина изменить свое решение. Теперь, кажется, все улаживается: Кулин доложил об этом деле попечителю и получил разрешение ограничиться выговором. Сам Кулин считает Обл[омиевск]ую дерзкой и нахальной, но и Веселовскую он не оправдывает: по его словам, и слушательницы, и классные дамы курсов жаловались ему, что Веселовская им жить не дает. Лично я до сих пор не составила себе определенного мнения об этом казусе: послушаешь одних, оправдываешь Обл[омиевск]ую, послушаешь других – Обл[омиевск]ую оправдать нельзя. Во всяком случае, слава Богу, что ей не помешают кончить курс: она, говорят, много занимается.

Недавно на курсах читал вступительную лекцию Гревс¹⁵²; слушательницы в восторге; Постникова говорила, что сидела, как очарованная. Недавно же, уже после Гревса, начал читать Середонин¹⁵³: слушательницам показалась интересной его лекция, но они находят, что в ней нет ничего выдающегося. По-моему, это очень верная оценка Середонина. Кстати, ему присуждена половина Уваровская премия за его Флетчера, а С.Ф-чу медаль за отчет о нем.

Сегодня С.Ф. заходил к Бест[уже]ву: Иконников представил свою «Историографию»¹⁵⁴ на (большую) Уваровскую премию; Б[естуже]в говорит, что

ⁱ Слово летнего исправлено на летней.

ⁱⁱ Слово ун[иверсите]та вставлено над строкой.

ⁱⁱⁱ Слово внешняя вставлено над строкой.

если Академия не захочет счесть рецензию Б[естуже]ва на это сочинение, помещенную в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]»¹⁵⁵, то он, Б[естуже]в, предложит послать ее на рецензирование Шмурло. Мы с С.Ф. думаем, что это невозможно: Шмурло, сравнительно с Иконниковым, во всех отношениях молокосос, и, по-моему, Иконн[ико]в положительно мог бы обидеться, что Академия не нашла для него более солидного рецензента.

15 октября. Вчера у нас были курсистки: Церетели и Александрова IV к[урс], Криль, Колендо, Яковлева, и Леванда II к[урс]. Первые две мне чрезвычайно нравятся: они такие разумные, милые и благовоспитанные; кажется, они особенно выигрывали от соседства с Криль и Яковлевой, к[ото]рые мне просто противны: они злы и неумны; по верному выражению Сони, к[ото]рая видела их в первый раз, они принадлежат к разряду протестующих. Мне просто обидно, что Степанов до нек[ото]рой степени смотрит их глазами на все то, что происходит на курсах. Третьего дня Середонину на курсах аплодировали. С.Ф. увидел в этом признак успеха Середонина на курсах и радовался за своего protégé¹.

Вдруг Криль вчера объяснила С.Ф.-чу, что этими аплодисментами известная часть I курса желала выразить свое недовольство лекцией! Нас, конечно, очень это удивило. И с каким пренебрежением Криль и Яковлева говорят о Середонине! Но они не отрицают, что не всем он не нравится. Во всем этом невольно чувствуется пристрастное отношение: ведь они еще прошлую зиму говорили Степанову, что С[ергей] М[ихайлович] не может иметь успеха на курсах, п[отому] ч[то] он дурно поступил с своей бывшей невестой (то есть А[нной] П[етровной]); вот чепуха!

Интересно отозвалась Алекс[андро]ва о лекциях Кареева: вначале они очень нравятся, как будто открывают широкие горизонты, эти общие характеристики, теории, взгляды, кажется, служат введением к чему-то, чего никогда не бывает, то есть чего он никогда не читает, т[ак] ч[то] в конце концов слушатель совершенно неудовлетворен. По словам Ал[ександрово]й, подобные курсы удивительно скоро испаряются из головы.

Недавно произошло столкновение между Зелинским и Холодняком: последний рассказал первому, будто ученик какой то гимназии, перевода XXI кн[игу] Ливия¹⁵⁶, употребил слово «ассенизация» вм[есто] «сенсация» и сослался при этом на комментарии З[елинско]го, где употреблено слово «сенсация». З[елинск]ий заставил Холодняка сознаться, что он говорил, не зная дела (дело шло о чем-то другом комментарии); Х[олодня]к сознался и извинялся. Удивительный человек! Он после этого лета стал всем рассказывать, будто у С.Ф. готова докторская диссертация, – когда сам отлично знает, что она еще не начата, – и все затем, чтобы досадить С.Ф.-чу.

Недавно В[асильевск]ий показывал С.Ф.-чу письмо Беляева по делу Фирсова¹⁵⁷.
1892 год¹⁵⁸

27 октября. За последнее время произошло несколько любопытных если не событий, то казусов. 1) Окончательный провал диссертации Барбашева.

¹ Лицо, пользующееся чьим-нибудь покровительством или рекомендацией при устройстве своих дел, служебной карьеры (*фр.*).

Вас[ильевск]ий дал о ней устный отчет в факультете, предлагая дать ему докторство со снисхождением. Факультет (и Вас[ильевск]ий) возложили на С.Ф. обязанность представить письменный отчет о ней. Сущность его отчета такова: собрано много фактовⁱ, но чисто внешним образом и односторонне, выводов никаких. При голосовании 8 голосов против, 4 – за (Вас[ильевск]ий, Веселовский, не читавший книги, Соколов, тоже не читавший, и Введенский). Так как Ламанский был очень против диссертации Б[арбаше]ва и так как даже шла речь о том, чтобы именно он написал о ней отчет, то С.Ф. спросил его, не подпишется ли он под его отчетом, так как требуется две подписи. Но Л[аманск]ий отказался, тогда Кареев сказал, что если нужна будет вторая подпись, он подпишется. Все это происходило 24ⁱⁱ октября¹⁵⁹. Теперь ректор просит С.Ф-ча списаться с Барб[ашевы]м, к[ото]рому предоставляется взять свою диссертацию. Все это очень неприятная и щекотливая история.

2) Третьего дня (25-го) под вечер к С.Ф-чу явился кончивший в мае курс И.И. Лаппо — вне себя: летом он как-то был у С.Ф-ча, к[ото]рому показалось, что Лаппо хочется остаться при унив[ерсите]те; С.Ф. не рассчитывал его оставить и дал ему понять, что стипендий в университете мало, а что оставление без нее стипендииⁱⁱⁱ по новым правилам влечет за собой так мало преимуществ, что не стоит его и домогаться. С.Ф. думал, что из этого разговора Лаппо должен был вывести заключение об отказе, но оказалось, что Лаппо, к[ото]рый клянется и божится, что до этого разговора не думал об оставлении, как раз понял этот разговор в том смысле, что С.Ф. хочет его оставить, и рассказал об этом своим домашним (а может быть, не одним им), 25-го он явился к Карееву за программой и от него узнал, что о нем в заседании 24-го числа не говорилось ни слова. Прямо от Кареева он явился к С.Ф. совершенно потрясенный и растерянный. С.Ф-чу стало так жаль его, что он вчера говорил с Помяловским об оставлении его, и это, кажется, устроится¹⁶⁰. По-видимому, всего больше Лаппо мучится мыслью, что могут подумать, будто он напросился на оставление.

3) Гревс теперь производит фурор на курсах. Недавно 22 октября^{iv} там был один из «чайных» вечеров, устраиваемых для сближения слушательниц с профессорами. Гревс был очень окружен; по словам Постниковой, ему говорили много глупостей о женском вопросе, ему это надоело, он встал и ушел. Леман уверяет, будто его спросили, что он думает о борьбе за существование. А Кондакову в прошлом году, говорят, предложили вопрос о том, какое физиологическое различие между мужчиной и женщиной.

4) В Соляном Городке предполагается с января ряд курсов по истории XVI или XVIII [в.] (это еще не решено). Предлагают читать С.Ф-чу. (Отказался)^v.

5) Недавно в университете читал вступительную лекцию Покровский (Ал[ексей] И[ванович]), закончивший лекцию словами: «Итак, Мм. гг., я буду иметь честь предложить вам курс по социальной истории Аттики того-то века»¹⁶¹. Холодяк, присутствовавший на лекции, стал распространять слух,

ⁱ Слово фактов вставлено над строкой.

ⁱⁱ Число 25 исправлено на 24.

ⁱⁱⁱ Слово стипендии вставлено над строкой.

^{iv} Слова 22 окт[ября] вставлены над строкой.

^v Слово (Отказался) написано карандашом.

будто Покр[овск]ий собирается читать курс по социалистической истории; образовалась сплетня, к[ото]рая сначала расстроила Покр[овско]го, но потом он решил игнорировать ее. Положительно, Холодняк – зловредный, а не только несносный человекⁱ.

22-го днем у нас был Л[еоид] Н[иколаевич] Майков, к[ото]рый, очевидно, сильно задет неуспехом лекций его племянника на курсах; он уверяет, что на курсах сложилось мнение, будто хорошо читать лекции может только университетский лектор, но сам же говорит, что первые лекции (распугавшие слушательниц) его племянника были плохи. Вообще он, по-видимому, невысокого мнения о слушательницах, думает, что все дело (в деле его племянника) в самолюбиях, что слуш[ательница]м, очевидно, не нравится, что его племянник не указывает им пудами книг.

Вчера у юристов было факультетское заседание, на к[ото]ром, по-видимому, юристы сильно посчитались из-за вопроса, давать или не давать докторство кому-то за курс¹⁶² (С.Ф. подозревает, что дело шло о Бершадском или Коркунове).

А Степанов все возится с курсистками и даже до нек[ото]рой степени находится под их влиянием. В субботу 24-го он устроил у себя «раут», пригласив Гревса, Ольденбурга, С.Ф. и курсисток. Из раута ничего не вышло: Гревс не явился, Степанов и Ольденбург беседовали о метафизических воззрениях Ренана, С.Ф. молчал, курсистки зевали. – Я не питаю никакого враждебного чувства к Ольденбургу и Гревсу, но первый положительно кажется мнеⁱⁱ смешным: он теперь переутомился, от чего, не могу понять: не может заниматься, страдает головными болями; и как легко, право, переутомляются иные люди!

12 ноября. Во вторник, 3 ноября, на курсах читался первый в этом году реферат Ларионовой III к[урса], над к[ото]рым она работала летом; она проводила в нем две мысли: 1) что государство – неизбежная форма общежития, 2) что провинция должна указывать государству нужды народа. На реферате присутствовал Гревс, к[ото]рый был удивлен 1) множеством слушательниц, собравшихся на реферат, 2) свободой, с к[ото]рой Лар[ионо]ва вращалась в сфере отвлеченных понятий, хотя иногда и путала их. Реферат прошел хорошо: были возражения, оживленные прения. Третьего дня С.Ф. прочел объяснительную (юридическую) лекцию, к[ото]рая, по-видимому, понравилась. Гревс так воодушевился от этого реферата, что немедленно предложил слушательницам ряд тем по всеобщей истории – и какие это прекрасные темы! Я так пожалела, что я уже не на курсах, когда мне их прочли! Вчера Постникова и Дьякова очень спрашивали о Степанове и сознались, что, как профессор, он их не удовлетворяет: в его лекциях нет глубины, они слишком просты, думать не над чем, что особенно он теряет от сопоставления с Гревсом. Бедный Степанов! Подумаешь, какая несправедливость судьбы: у человека есть все, что он может приобрести, но нет таланта, к[ото]рого так много у Гревса.

Вчера те же Постн[ико]ва и Дьякова спрашивали меня, что, по-моему, лучше – наука или жизнь. Я так живо вспомнила, как я, приехав на курсы,

ⁱ Далее зачеркнуто В воскресенье 25-го.

ⁱⁱ Слово мне вставлено над строкой.

мучительно раздумывала об этом, как сильно подействовало на меня учение¹ Канта о примате воли, как я, к концу курса, окончательно решила, по примеру Фауста, что только практическая деятельность может меня удовлетворить, и вышла замуж, вместо того чтобы предаться научным занятиям. Жалею ли я теперь об этом? Нет, нисколько: слишком много на земле горя, чтобы можно было уйти в кабинетную науку и не обращать внимания на окружающее. От моих научных занятий человечество не стало бы счастливее, а если я выращу и воспитаю хорошо своих детей, сделаю из них честных, нормальных людей, если я создам правильную семью, то этим я все-таки окажу нек[ото]рую услугу если не всему человечеству, то хоть своему отечеству.

26 ноября. Сегодня Вас[ильевск]ий сказал С.Ф.-чу, что Майков сердится на С.Ф.: по его мнению, С.Ф. должен был немедленно сказать ему о полном неуспехе его племянника на курсах¹⁶³. Это мне кажется очень странным со стороны Майкова: 1) С.Ф. не скрывал от него неуспеха, 2) по-моему, Батюшков, к[ото]рый близко стоит и к курсам, и к обоим Май[ковы]м, должен был скорей, чем С.Ф., поговорить с дядей и племянником. По словам Вас[ильевско]го, М[айко]в очень расстроен этим делом.

Сейчас я просматривала корректуру статьи Петрушевского о новой книге Виноградова: В[иноградо]в недавно (в сентябре)ⁱⁱ был здесь и успел всунуть Вас[ильевско]му для «Журн[ала] Мин[истерства народного просвещения]» несколько статей, между прочим, эту хвалебную статью о своей книге¹⁶⁴. По-моему, это несколько бесцеремонно. По поводу затеи Виногр[адо]ва издать учебники по средней и древней истории рассказывают (напр[имер], Кареев говорит об этом без всякого осуждения), что все это делается В[иноградо]вы]м с целью получить солидный куш и уехать за границу; путешествовать он любит с комфортом, поэтому ему много нужно.

В последнем заседании Ак[адемии] наук В[иноградо]в по предложению Вас[ильевско]го избран членом-корреспондентом¹⁶⁵.

Историографию Иконникова взял для рецензирования Бычков, что, конечно, неприятно для Бест[уже]ва¹⁶⁶.

Бубнов представил своего Герберта на Макарьевскую премию и, по всем видимостям, получит ее¹⁶⁷; книга отдана на рецензирование Фортинскому, ректору Киевского университета, что как будто не совсем ловко: ректор будет писать о проф[ессо]ре своего университета и своей специальности¹⁶⁸.

Акт на курсах

Липовский и Ламанский

Смирнов

ⁱ Слово учения исправлено на учение.

ⁱⁱ Слова в сентябре дописаны на правом поле.